

Л. М. Катаевъ

СМУТА

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
И ОТРАЖЕНІЕ ЕЯ ВЪ
Н.-НОВГОРОДЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Къ 300-лѣтію Смутнаго времени.

ИЗДАНИЕ

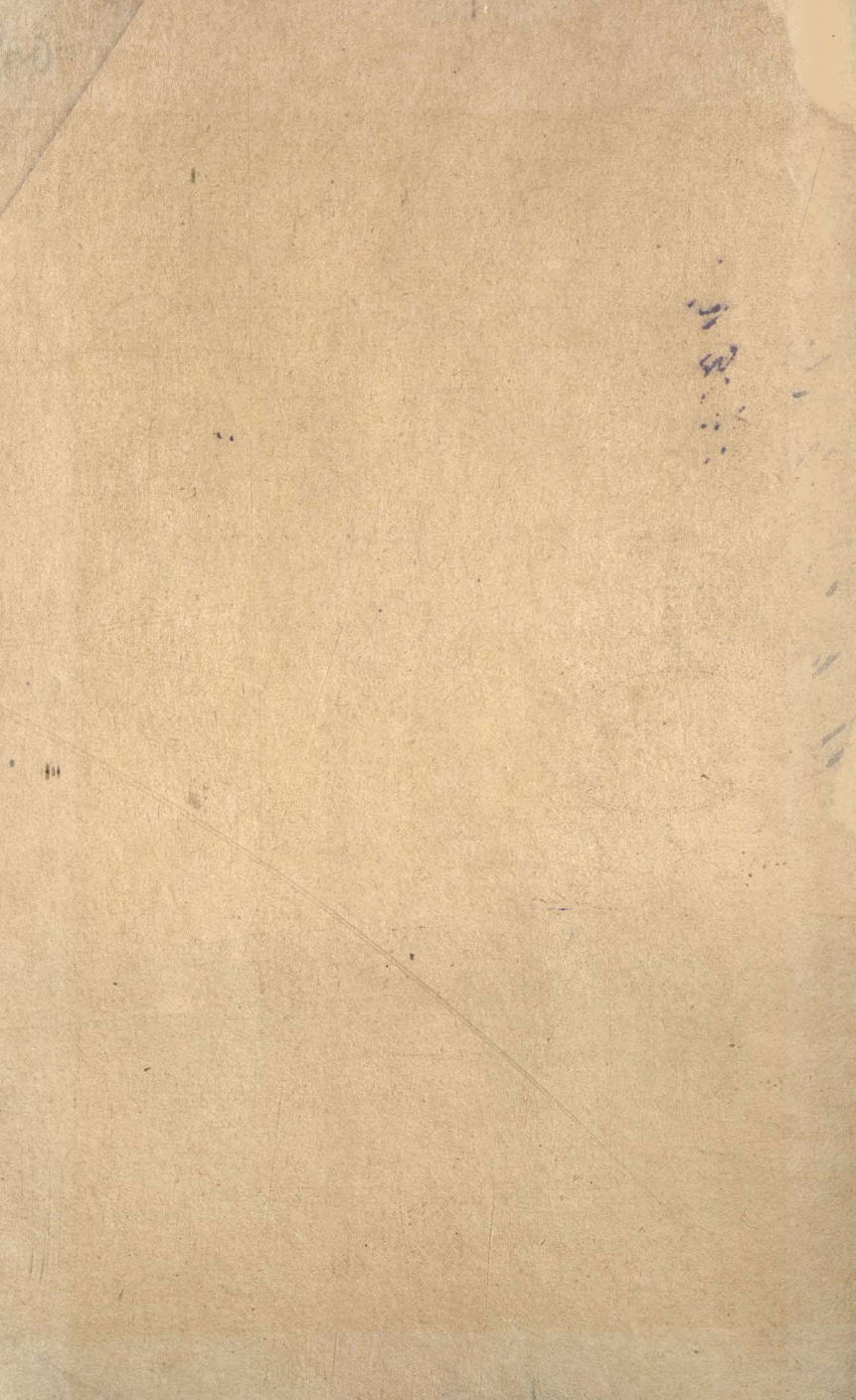
Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи.

1910.

5402-149

№ инв.

И. М. Катаевъ.

5402-110

СМУТА

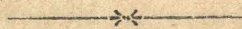
ПОГАШЕНО

Московского Государства и отраженіе ея
въ Нижнемъ-Новгородѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

къ 300-лѣтію Смутнаго времени.

ИЗДАНИЕ

Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи.

Пф. 112162

№ инв.....7

Смута Московскаго государства и отраженіе ея въ Нижнемъ-Новгородѣ.

I.

Передъ смутой.

Много потрясеній пережило Русское государство за время своего тысячелѣтнаго существованія. Эти потрясенія вызывались тяжелыми условіями русской исторической жизни съ самыхъ давнихъ временъ: то нападеніемъ опаснаго и жестокаго врага, то нестроеніями внутренней жизни, государственной и общественной.

Но врядъ-ли Россіи пришлось переживать что-либо подобное тому, что случилось на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, въ эпоху Смутнаго времени, — „великой разрухи Московскаго гусударства“. По выраженію современника, „тмочисленныя бѣды и различныя напасти“ постигли тогда Россію. Ужасы кровавой междоусобной войны, длившейся около десяти лѣтъ, самозванщина, захватъ почти всего государства и самаго „сердца“

его.—Москвы внѣшними врагами,—все это едва не привело государство и народность къ полной гибели. И только въ этотъ послѣдній критическій моментъ проснувшееся въ русскихъ людяхъ чувство народнаго и религіознаго единства заставило ихъ сплотиться для защиты родины и возстановленія гражданскаго порядка. Крупную роль въ этомъ послѣднемъ народно-патріотическомъ движеніи сыграли Нижній-Новгородъ и нижегородцы. Имъ по праву принадлежит видное мѣсто на одной изъ замѣчательныхъ страницъ русской исторіи.

Нельзя сказать, чтобы бѣдствія Смутнаго времени пришли внезапно, чтобы никто не ожидалъ надвигавшейся бури. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно заглянуть въ произведенія книжныхъ людей второй половины XVI в., жившихъ наканунѣ Смуты. Несмотря на то, что Московская Русь не отличалась образованностью, отъ этой эпохи сохранилось нѣсколько интересныхъ произведеній, въ которыхъ говорится о политическихъ и общественныхъ порядкахъ того времени. Авторы этихъ произведеній полны мрачныхъ и тяжелыхъ предчувствій относительно ближайшаго будущаго. Вотъ что, на примѣръ, говоритъ одинъ, оставшійся неизвѣстнымъ, авторъ сочиненія, подъ заглавіемъ „Бесѣда Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ“, влагая въ уста этихъ чудотворцевъ пророческое предсказаніе:

— „И того ради настанутъ послѣднія времена, люди будутъ испытывать напрасныя бѣдствія, начнутся частые голода, моровыя повѣтрія... междоусобныя брани и войны, гибель городовъ, смятеніе и ужасы въ царствѣ; запустѣютъ волости, села, дома христіанскіе...

Цари на своихъ престолахъ царскихъ не смогутъ удержаться и часто будутъ смѣняться за свою царскую простоту, за иноческіе грѣхи, и за мірское невоздержаніе“.

Такъ же мрачно на современную ему дѣйствительность смотритъ знатный бояринъ, кн. Андрей Курбскій, стоявшій одно время очень близко къ царю Ивану Грозному, но потомъ поссорившійся съ своимъ нравнымъ царемъ и отѣхавшій отъ него въ Литву. Оттуда Курбскій написалъ Грозному рядъ писемъ, въ которыхъ онъ съ осужденіемъ разбираетъ политику Грознаго, въ особенности его враждебное отношеніе къ боярству. Въ одномъ своемъ письмѣ — посланіи „Къ нѣкоему Ивану Многоученому“ (Ивану Грозному), Курбскій такъ описываетъ состояніе государства: всѣ страждутъ, всѣмъ тяжело жить. Власти державныя, на власть отъ Бога поставленныя, „да судомъ праведнымъ подвластныхъ разсудятъ и въ кротости и милости державу управятъ“, вмѣсто того „свирѣпѣе звѣрей—кроводцевъ обрѣтаются“. Воины разорены,—многіе изъ нихъ не имѣютъ не только коней и оружія ратнаго, но и дневной пищи. Купечество и земледѣльцы страдаютъ отъ непомерныхъ даней и отъ немилостивыхъ приставовъ. Земледѣльцы бѣгутъ изъ своего отечества или продаютъ своихъ чадъ въ вѣчную работу; иные налагаютъ на себя руки, вслѣдствіе многихъ горестей. Курбскій угрожаетъ царю скорою погибелью „со всѣмъ домомъ“ за то, что онъ пустошитъ землю свою и губитъ своихъ подданныхъ.

Кн. Курбскій, сильно раздраженный противъ преслѣдовавшаго его грознаго царя, можетъ быть, былъ склоненъ представлять дѣло чернѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Но вотъ предстоящее Московскому государству потрясеніе предрѣкаетъ иностранный наблюдатель, англичанинъ Флетчеръ, побывавшій въ Москвѣ въ концѣ 80-хъ г.г. XVI ст. и издавшій въ Англии книгу о Россіи. Наблюдая происходившія на его глазахъ событія русской жизни, Флетчеръ приходитъ къ заключенію, что политика Грознаго и его „варварскіе“ поступки такъ потрясли все Русское государство и до того возбудили всеобщій ропоть и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно кончиться не иначе, какъ междоусобіемъ.

Такъ темныя стороны русской жизни XVI в. не остались незамѣченными наблюдательными современниками. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Московское государство въ XIV—XVI в.в. достигло крупныхъ внѣшнихъ успѣховъ. Маленькое когда-то удѣльное княжество Ивана Калиты за два съ половиной вѣка выросло въ обширное государство, объединивъ подъ властью московскихъ князей разрозненныя удѣльныя княжества Великороссіи; оно успѣшно повело борьбу съ давнимъ врагомъ Руси—татарами, сбросило съ себя позорное татарское иго и начало наступательную борьбу противъ татаръ, перенесенную даже въ концѣ XVI в. изъ предѣловъ Европейской Россіи въ Азію. Не безъ успѣха Москва вела борьбу и съ давнимъ своимъ соперникомъ на Западѣ—Польско-Литовскимъ государствомъ. Въ XVI в. западно-европейскія государства должны были уже считаться въ международныхъ отношеніяхъ съ внушительной силой, выроставшей на востокѣ Европы.

Но эти внѣшніе успѣхи были куплены дорогой цѣной страшнаго напряженія народныхъ силъ въ борьбѣ

съ напиравшимъ со всѣхъ сторонъ врагомъ. Внутри страна развивалась очень медленно. Тѣ скудныя силы и средства, которыми она располагала, настолько неумѣренно расходовались для внѣшней борьбы, что это повело, въ концѣ-концовъ, къ надрыву государственнаго организма, къ истощенію и разоренію народа, а затѣмъ—и къ глубокому недовольству съ его стороны. Это недовольство, вражда общественныхъ классовъ, направленная противъ сложившагося государственнаго порядка и другъ противъ друга, и послужила главной причиной, подготовившей взрывъ междоусобія въ Смутное время. Чтобы яснѣе представить себѣ это, мы бѣгло познакомимся съ государственнымъ и общественнымъ строемъ Московскаго государства, какъ онъ сложился въ XVI в.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ и расширеніемъ Московскаго государства въ XIV—XVI в.в., росла сила и власть московскаго вел. князя, превратившагося постепенно въ государя и царя всея Руси. Въ лицѣ Ивана III, Василія III и, наконецъ, Ивана IV Грознаго она становится неограниченной, самодержавной. Особо яркимъ выразителемъ самодержавія былъ Иванъ Грозный. Свои взгляды на верховную власть Грозный высказалъ въ перепискѣ съ извѣстнымъ уже намъ кн. Курбскимъ. Россійскіе государи суть самодержцы Божіимъ изволеніемъ. Государство есть вотчина его владыки. Только одному Богу царь даетъ отвѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Неповиновеніе царю—есть неповиновеніе Богу. Поэтому подданные царя—повинные ему рабы, обязанные царю „безсловесно смиряться“. „Жаловати своихъ холопей мы вольны, а и казнить ихъ вольны же“,—вотъ какъ высоко Грозный ставилъ свою власть. Цѣлью его

жизни сдѣлалось охраненіе самодержавной власти и борьба со всякими, дѣйствительными и мнимыми, по-ползновеніями къ ея ограниченію. Главнымъ врагомъ свримъ въ этомъ отношеніи Грозный считалъ боярство. Нѣкоторый поводъ для этого былъ.

Въ XV-XVI вв. въ средѣ московскаго боярства оказалось много „княжатъ“—бывшихъ удѣльныхъ князей и ихъ потомковъ. Присоединеніе удѣловъ къ Москвѣ превратило этихъ, нѣкогда независимыхъ владѣтелей, въ слугъ московскаго государя. Княжата навсегда отказались отъ возстановленія былой независимости: ни одной подобной попытки не было въ XV-XVI вв. Но зато они, собравшись въ Москвѣ и окружая тронъ московскихъ государей, обнаружили желаніе занять положеніе высшаго правительственнаго класса, члены котораго могли бы занимать высшія мѣста въ государствѣ, при томъ не по милости или пожалованію отъ государя, а по самому происхожденію, „по отечеству“, какъ говорили тогдашніе московскіе люди. Такія требованія боярства особенно ясно были высказаны, какъ кн. Курбскимъ, въ перепискѣ его съ Грознымъ, такъ и составителемъ „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ“; оба они настойчиво указывали, что царь во всемъ долженъ совѣтоваться со своими боярами.

Но въ этомъ пунктѣ какъ-разъ и столкнулись интересы княжескаго боярства и самодержавной власти. Въ ту пору, когда она еще недостаточно окрѣпла, московскіе князья пользовались услугами и помощью боярства и держали ихъ въ почетѣ. Но, по мѣрѣ усиленія власти московскихъ государей, отношеніе ихъ къ боярству измѣнилось. Иванъ III началъ обращаться съ боярами гордо и неприступно, хотя и не нарушалъ еще

обычая совѣтоваться съ боярами въ дѣлѣ управленія государствомъ. Василій III еще менѣе стѣсняется съ боярами.

Но настоящую борьбу, не на жизнь, а на смерть, открылъ противъ бояръ царь Иванъ Грозный. Для этого онъ придумалъ особую, чрезвычайную, мѣру—опричнину. Дѣло произошло такъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1564 г. царь внезапно бросилъ Москву, всѣ дѣла государственнаго управленія и уѣхалъ въ Александровскую слободу (теперь г. Александровъ, Владимирской губ.). Затѣмъ, когда напуганное населеніе столицы обратилось къ нему съ челобитьемъ о возвращеніи, царь вернулся, но съ тѣмъ, чтобы ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣнія ихъ брать въ казну и учредить себѣ въ государствѣ „опричнину“. Подъ опричниной разумѣлся какъ-бы особый царскій удѣлъ, которымъ царь желалъ управлять совершенно единолично и произвольно. Въ составъ опричнины должны были войти особый царскій дворъ, особые бояре, приказные люди, дворяне и стрѣльцы. Всѣ они получили названіе опричниковъ. Выдѣлены были особыя улицы въ Москвѣ, особые города и волости въ управленіе опричнины; количество ихъ постепенно увеличивалось и достигло до половины всего Московскаго государства. Все остальное государство названо было „земщиной“; управленіе и судъ въ немъ должны были вѣдать „земскіе“ бояре, дьяки и приказные люди „по старинѣ“. Впрочемъ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ бояре должны были докладывать царю и безъ него, на самомъ дѣлѣ, ничего не могли предпринять.

Такова была внѣшняя сторона опричнины. Но главной, затаенной до поры-до времени, цѣлью Грознаго

было—подорвать посредствомъ опричнины значеніе боярства. Съ одной стороны онъ наносилъ ударъ хозяйственной мощи бояръ: многія старинныя вотчины*), которыя составляли источникъ ихъ силы и богатства и которыми они владѣли еще со временъ удѣльныхъ, были отписаны на государя, перешли въ разрядъ дворцовыхъ земель; а еще болѣе вотчинъ бояре потеряли подѣ Москвой и въ тѣхъ уѣздахъ, которые были взяты въ опричнину. Затѣмъ, Грозный принялся за самихъ бояръ лично. Бояръ, которые чѣмъ-либо навлекли на себя подозрѣніе царя, по его тайному приказанію, опричники хватали и привозили въ Александровскую слободу, гдѣ царь любилъ теперь проводить время съ опричниками. Здѣсь опальныхъ бояръ обвиняли въ измѣнѣ и „судили“: подвергали мучительнѣйшимъ пыткамъ, заставляли наговаривать на себя разныя небылицы и, затѣмъ, казнили.

Такъ Грозный расправлялся съ боярствомъ: онъ истреблялъ съ лица земли не только отдѣльныхъ бояръ, но и цѣлыя боярскія фамиліи.

Легко представить себѣ раздраженіе и ропоть, которые были вызваны въ боярствѣ чрезвычайно жестокими мѣрами Грознаго. Уже однимъ этимъ Грозный подготовилъ дѣятельныхъ участниковъ Смуты. Но раздраженіе боярства усиливалось еще другими обстоятельствами,—тѣми невзгодами, которыя въ XVI в. боярству пришлось испытывать въ хозяйственномъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ боярство столкнулось съ самодержавной властью московскаго государя. Во второмъ слу-

*) Вотчинами называли имѣнія, находившіяся въ полномъ владѣніи служилыхъ людей; вотчины передавались по наследству.

чаѣ обнаружилась рознь и борьба интересовъ боярской аристократіи съ другими классами населенія, служилыми и неслужилыми.

Въ первой, а въ особенности, во второй половинѣ XVI в. землевладѣльческое хозяйство переживало тяжелый переломъ вслѣдствіе отлива крестьянскихъ рабочихъ рукъ и большой задолженности. Тяжесть крѣпостной неволи, развивавшейся все сильнѣй и сильнѣй, съ одной стороны, а съ другой—пріобрѣтеніе Московскимъ государствомъ обширныхъ незаселенныхъ еще земель на югѣ и юго-востокѣ, побуждали крестьянъ бѣжать изъ центра на окраины, которыя привлекали къ себѣ неистощенной почвой, обиліемъ нетронутыхъ еще охотничьихъ, пчелиныхъ и рыбныхъ угодій. Населенныя прежде села и деревни въ московскомъ и въ другихъ центральныхъ уѣздахъ превращались въ „пустоши“; боярская земля теряла рабочія руки, а землевладѣльцы лишались съ нея дохода, бѣднѣли и разорялись. Между тѣмъ, военная служба, боевое вооруженіе, затраты на обстановку придворной и домашней жизни требовали значительныхъ денежныхъ расходовъ. Чтобы достать денегъ, бояринъ-вотчинникъ закладывалъ свое имущество, а чаще всего—свою вотчину. Самымъ богатымъ капиталистомъ, у котораго всегда можно было перехватить ссуду, былъ монастырь. Монастырь и прибиралъ боярскія вотчины къ своимъ рукамъ. Туда же, въ монастырь набожные московскіе люди дѣлали вклады „на поминъ души“ недвижимымъ имуществомъ,—селами и деревнями, съ жившимъ на нихъ крестьянскимъ населеніемъ. Такимъ путемъ, во владѣніи монастырей скоплялась огромная масса вотчинныхъ земель. Монастырь богатѣлъ. Боярскія же вотчины таяли и пустѣли

Боярство не скрывало своего раздраженія противъ богатыхъ духовныхъ вотчинниковъ, которые были къ тому же и политическими противниками боярства, усердно поддерживая московскихъ государей въ ихъ стремленіи къ неограниченному самодержавію.

Земля была главнымъ предметомъ спора между богатымъ духовенствомъ и крупнымъ боярствомъ. Но послѣднему пришлось также столкнуться съ средними и мелкими служилыми людьми, на этотъ разъ—изъ-за крестьянства, изъ-за рабочихъ рукъ. Положеніе дворянъ и дѣтей боярскихъ*) было очень незавидно, за свою обязательную постоянную военную службу, продолжавшуюся съ 15-лѣтняго возраста и до старости, они получали небольшія помѣстья**) и ничтожные денежные оклады, по тогдашнему счету въ 6—8—10 руб. въ годъ.***) Но хорошо, если бы ихъ маленькія помѣстья сполна обрабатывались. Бѣда въ томъ, что на помѣстьяхъ въ 100, 150, 200 десятинъ рѣдко сидѣло больше 2—3 крестьянъ, которые могли распахать только небольшую часть помѣщичьей земли. Погоня за рабочими руками привела къ особому обычаю „своза“ крестьянъ у однихъ владѣльцевъ другими. Заинтересованные въ этомъ владѣльцы подсылали особыхъ „отказчиковъ“, которые подговаривали крестьянъ сосѣдняго помѣ-

*) Такъ назывались средніе и низшіе чины служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ.

**) Помѣстья нужно отличать отъ вотчинъ. Такъ называли „участки казенной, государственной земли, данныя государемъ въ личное владѣніе служилому человѣку подъ условіемъ службы, т. е. какъ награда за службу и вмѣстѣ какъ средство для службы“ (Ключевскій).

***) Нужно замѣтить, что цѣнность денегъ въ концѣ XVI в. была выше въ 25 разъ, чѣмъ въ настоящее время, т. е. 1 тогдашній рубль равнялся нашимъ 25.

щичьяго села перейти къ ихъ господину, предлагая уплатить старому владѣльцу накопившіеся за ними долги и недоимки. Крупные вотчинники располагали для этого большими средствами, могли пообѣщать крестьянамъ больше льготъ по уплатѣ государственныхъ податей и пр. И вотъ мелкопомѣстнымъ служилымъ людямъ, лишившимся послѣднихъ работниковъ, не оставалось ничего болѣе, какъ силой отстаивать свои интересы. Бои и грабежи обыкновенно сопровождали въ тѣ годы крестьянской „отказъ“ (т. е. выходъ изъ помѣстья, который въ XVI в. еще не былъ совсѣмъ запрещенъ закономъ).

Мелкіе служилые люди съ ненавистью относятся къ вельможамъ—боярамъ. Одинъ служилый человекъ при Иванѣ Грозномъ, Ивашка Пересвѣтовъ, написалъ царю челобитную, въ которой въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападаетъ на родовитую аристократію. Онъ говоритъ, что нѣтъ правды въ царствѣ Московскомъ, такъ какъ силу и власть захватили въ немъ вельможи. „Вельможи русскаго царства сами богатѣютъ, имѣніе емлютъ, царство государя оскужаютъ (разоряютъ), и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно и конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ“. Вельможи печалуются царю о кормленіяхъ, и о городахъ, и о намѣстничествахъ, „яко голодные псы, хистятся на слезы и на кровь христіанскую“. Пересвѣтовъ совѣтуетъ царю, чтобы всѣ въ государствѣ возвышались по своимъ заслугамъ, а не по одному только происхожденію. Въ челобитнѣ Пересвѣтова слышится сильное раздраженіе мелкаго человека на аристократію—бояръ за то, что они, по его мнѣнію, захватили себѣ всю правительственную и хозяйственную силу.

Если такъ ухудшались отношенія между различными группами служилаго класса, то гораздо болѣе причинъ было къ обострѣнiю отношеній между служилымъ и тяглыми классами, *)—посадскими (горожанами) и крестьянами. Раздача помѣстій служилымъ людямъ въ XVI в. шла съ необычайной быстротой. Огромныя земельныя пространства въ центральныхъ, южныхъ и западныхъ областяхъ были розданы въ помѣстное владѣнiе. Служилые люди разныхъ названій, получая помѣстья въ уѣздахъ, въ городахъ отправляли гарнизонную службу, должны были имѣть здѣсь „осадные дворы“ на случай прихода „воинскихъ людей“; такъ называемые—приборные служилые люди, стрѣльцы, пушкари, казаки и др., жили частью на посадѣ, частью—въ особыхъ слободахъ за посадомъ. Водворенiе служилаго люда въ городахъ и на посадахъ имѣло тяжелыя послѣдствiя для коренного городского населенiя. „Служилый людъ отнималъ у горожанъ ихъ усадьбы и огороды, ихъ рынокъ и промыслы. Онъ выживалъ посадскихъ людей изъ ихъ посада, и посадъ пустѣлъ и падалъ... Старое городское населенiе разбредалось или же, оставаясь на мѣстѣ, разными способами выходило изъ государева тягла“. Крестьянское населенiе въ уѣздѣ оказывалось сидящимъ на чужой землѣ. Обезземеленiе и задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ приводила къ крѣпостной зависимости со всѣми тяжелыми послѣдствiями подневольнаго труда.

Тяглое населенiе, свободное и несвободное, полно недовольства своимъ положенiемъ. Побѣгъ съ тягла

*) Тяглые люди, это тѣ, которые тянули тягло—платили подати.

(съ мѣста уплаты податей) и побѣгъ изъ-за помѣщика былъ обычнымъ средствомъ борьбы противъ угнетавшаго тяглыхъ людей порядка. Обширныя степныя пространства на южныхъ окраинахъ, „Польской“ и Сѣверской, *) служили мѣстомъ пріюта для всякаго рода бѣглыхъ людей. Тамъ они или поступали на службу къ тому же государству въ качествѣ „приборныхъ“ служилыхъ людей, въ которыхъ правительство такъ нуждалось на окраинахъ, или же шли въ вольные казаки. Казачество, сплошь состоявшее изъ людей недовольныхъ московскими порядками, выступило противъ этихъ порядковъ въ эпоху Смуты.

Большое зло въ общественномъ быту представляло холопство (рабство), существовавшее на Руси съ самыхъ давнихъ временъ. Въ эпоху Московскаго государства появился еще новый видъ холопства, это—кабальные холопы. Такъ назывались должники, давшіе на себя „служилую кабалу“—заемную расписку, по которой они вмѣсто уплаты отработывали проценты личнымъ трудомъ на дворѣ заимодавца. Такіе люди теряли свободу и становились рабами заимодавца, впредь до уплаты долга. А такъ какъ въ рабскомъ состояніи не легко было уплатить долгъ, то кабальный холопъ могъ превратиться въ полнаго холопа, т. е. остаться рабомъ навсегда, или же до смерти кредитора, какъ было установлено въ концѣ XVI в.

Кабальное холопство было очень распространено въ Московской Руси. Люди разнаго чина и званія

*) „Польской“ (полевой, степной) называлась южная Украина, которая тянулась на югъ отъ Тулы и Калуги между среднимъ и южнымъ Дономъ и Днѣпромъ. Сѣверная Украина, бывшая Чернигово-Сѣверская земля, лежала на юго-западѣ Московскаго государства, на границѣ съ Литвой.

сплошь и рядомъ лишали себя свободы и шли въ кабалу, которая, несмотря на всю свою тяжесть, представляла нѣкоторую выгоду: служилые люди, превратившись въ холоповъ, освобождались отъ службы, а тяглые—отъ уплаты податей. Насколько московскіе люди не дорожили своей свободой, объ этомъ свидѣтельствуеъ келарь Троице-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ, написавшій краснорѣчивое „Сказаніе“ о Смутномъ времени. По его словамъ, бывали случаи, когда позванные „винца токмо испити... по трехъ или четырехъ чарочкахъ“ давали на себя запись, превращавшую ихъ въ рабовъ.

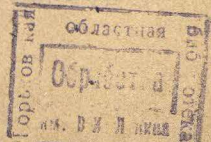
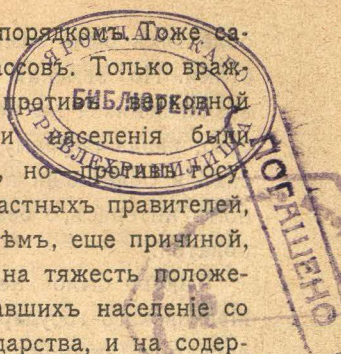
Такъ получилось громадное скопленіе холоповъ на боярскихъ и, вообще, владѣльческихъ дворахъ. Но вотъ въ самомъ началѣ Смуты, въ 1601—1603 г.г. въ Россіи случился подрядъ три года неурожай, а вслѣдствіе того—страшный голодъ. Хлѣбъ необыкновенно поднялся въ цѣнѣ; кормить многочисленную дворню стало невыгодно. Тогда владѣльцы холоповъ стали прогонять ихъ отъ себя. Съ голоду холопы принялись за воровство и грабежъ. Къ нимъ присоединились еще распущенные холопы опальныхъ бояръ; указано было никому не принимать такихъ холоповъ, что ставило ихъ въ безвыходное положеніе. Отъ разбойниковъ не было ни проходу ни проѣзду даже подъ самой Москвой. Очень много холоповъ, до 20000 человекъ, какъ думаетъ Палицынъ, бѣжали тогда въ украинные города и, затѣмъ, приняли участіе въ Смутѣ.

Но, необходимо отмѣтить, что рознь и вражда общественныхъ классовъ была не единственной причиной, подготовившей Смуту. Уже изъ характеристики боярства мы видѣли, что оно было недовольно утверждав-

шимся на Москвѣ политическимъ порядкомъ. Даже самое — и въ положеніи низшихъ классовъ. Только вражда послѣднихъ направлялась не противъ верховной власти, у которой низшіе слои населенія были склонны искать помощи и защиты, но противъ государевыхъ слугъ, приказныхъ и областныхъ правителей, намѣстниковъ и волостелей. Затѣмъ, еще причиной, подававшей поводъ къ жалобамъ на тяжесть положенія, было бремя налоговъ, опутывавшихъ населеніе со всѣхъ сторонъ: и въ пользу государства, и на содержаніе мѣстнаго начальства, и въ пользу землевладѣльцевъ и т. д. Изъ среды посадскихъ, крестьянъ или холоповъ не вышло, да и не могло выйти, такихъ писателей, которые могли бы въ своихъ произведеніяхъ описать бѣдственное положеніе народа. Но зато мы имѣемъ рядъ другихъ памятниковъ, не менѣе ярко рисующихъ бѣдственное положеніе низшаго населенія. Это — народныя челобитья, стекавшіяся въ изобиліи въ Москву со всѣхъ концовъ государства. Въ нихъ звучитъ народный стонъ разореннаго и обездоленнаго населенія. Челобитчики жаловались царю, что многіе дворы на посадахъ и деревни въ станахъ и волостяхъ запусѣли отъ произвола, насилій и лихоимства намѣстниковъ и волостелей, а — наравнѣ съ ними — отъ лихихъ людей, отъ татей и разбойниковъ. Посадскіе люди и крестьяне жаловались, что они „разорены до конца“... „скитаются межъ дворь“, „помирають голодною смертью“ и т. п.

Что это не были только слезливыя причитанія, а была настоящая, живая правда, это всенародно призналъ самъ царь Иванъ Грозный, когда, въ 1555 г., отмѣнилъ намѣстниче управленіе. Намѣстники въ

Пар. 112162

областяхъ были замѣнены выборными земскими властями. Но земская реформа Грознаго не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, такъ какъ правительство, вводя реформу, думало не столько объ интересахъ и облегченіи населенія, сколько о своемъ казенномъ интересѣ, о безубыточномъ взысканіи съ населенія податей.

Таково было неприглядное внутреннее состояніе Московскаго государства передъ Смутой. Оно отразилось при Грозномъ и на внѣшней политикѣ. Ливонская война, *) начатая такъ блестяще, окончилась полнымъ разгромомъ русскихъ силъ со стороны поляковъ. Главной причиной этого и было какъ разъ оскудѣніе средствъ для веденія войны вслѣдствіе запусчтенія центра, отлива тяглаго и крѣпостного населенія на окраины и разоренія служилаго люда. Неудачи Ливонской войны должны были послужить грознымъ предзнаменованіемъ, что въ государствѣ далеко не все обстоитъ благополучно.

II.

Самозванщина.—Народное движеніе на Украинѣ.

Преемникомъ Грознаго сдѣлался его сынъ, Феодоръ Иоанновичъ. По характеру онъ былъ полной противоположностью своему отцу: былъ простъ и тихъ, добродушенъ и ласковъ съ окружающими. Къ управленію государствомъ царь Феодоръ былъ неспособенъ. Въ этомъ отношеніи онъ требовалъ опеки и руководства.

*) Ливонскую войну Грозный велъ со слабымъ орденомъ Ливонскимъ изъ-за береговъ Балтійскаго моря. Но къ ордену присоединились поляки и Грозный потерпѣлъ неудачу.

Дурная сторона этого заключалась въ томъ, что верховная власть подвергалась всякимъ случайнымъ придворнымъ вліяніямъ. Началась борьба изъ-за власти между нѣсколькими боярскими партіями; перевѣсъ въ ней одерживаетъ шуринъ царя—Борисъ Годуновъ, который и сдѣлался настоящимъ правителемъ государства.

Царь Феодоръ былъ послѣднимъ представителемъ династіи Калиты на московскомъ престолѣ. Братъ его, семилѣтній царевичъ Дмитрій (младшій сынъ Ивана Грознаго—отъ седьмой жены), погибъ въ 1591 г. въ Угличѣ при загадочной обстановкѣ, не вполне разслѣдованной до настоящаго времени. Правительство объявило, что царевичъ закололъ себя самъ, играя на дворѣ въ тычку (родъ свайки). Народная же молва обвинила въ его убійствѣ Годунова, который, прокладывая себѣ путь къ престолу, подослалъ къ царевичу убійцъ. Какъ бы то ни было, по смерти царя Феодора въ 1598 г., Борисъ Годуновъ земскимъ соборомъ былъ избранъ на московскій престолъ *).

Годуновъ отличался большими правительственными способностями. При немъ страна нѣсколько отдохнула отъ войнъ и жестокостей Грознаго. Однако, исправить всѣ послѣдствія его кровавой политики было не легко, тѣмъ болѣе, что какихъ-нибудь коренныхъ мѣръ, серьезно измѣнявшихъ правительственный и общественный порядокъ, предпринято не было. Загадочное же событіе въ Угличѣ и перемѣна династіи поддерживали тревожное настроеніе.

*) Земскимъ соборомъ въ Московской Руси называлось собраніе выборныхъ представителей отъ населенія для совѣщанія съ правительствомъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ.

И вотъ, какъ только страну постигло случайное общественное бѣдствіе — страшный голодъ 1601—1603 г.г., все опять замутилось въ государствѣ. Противъ царя Бориса поднялись и верхъ и низъ общества: боярская знать, давно уже строившая ковы противъ него, и—крѣпостная масса и казачество на окраинахъ.

Смуту начало боярство. Но въ началѣ оно выступило не въ видѣ сплоченнаго общими интересами класса, а въ видѣ нѣсколькихъ боярскихъ партій; во главѣ ихъ стояли лица, соперничавшія съ Годуновымъ изъ-за власти. Таковы были, главнымъ образомъ, два боярскихъ рода: князья Шуйскіе и Романовы - Юрьевы. Шуйскіе были виднѣйшими представителями княжеской аристократіи, рюриковичи, считавшіе свой родъ, по происхожденію, даже старше угасшаго рода московскихъ государей. Изъ рода Шуйскихъ соперничалъ съ Годуновымъ кн. Василій Ивановичъ Шуйскій. Кн. Василій Ивановичъ не блисталъ талантами правительственными или военными, но отличался хитростью, склонностью къ заговору; ему ничего не стоило сегодня утверждать то, что вчера онъ отрицалъ, и—наоборотъ, лишь бы дѣло его было выиграно. Онъ былъ, конечно, противъ избранія на престолъ Бориса Годунова, но долженъ былъ смириться и, до поры до времени, выставлялъ себя его покорнымъ слугой.

Энергичнѣе дѣйствовала другая боярская партія, во главѣ которой стояли бояре Романовы. Этотъ боярскій родъ высоко сталъ при московскомъ дворѣ со времени женитьбы царя Ивана Грознаго на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной-Юревой. Братъ ея, Никита Романовичъ, сумѣлъ занять видное положеніе при

Грозномъ, хотя и не запятналъ себя жестокостями опричнины. Въ скоромъ времени, по вступленіи на престолъ царя Феодора Іоановича, Никита Романовичъ умеръ, заключивъ съ Годуновымъ „завѣщательный союзъ дружбы“, въ силу котораго бояринъ Никита поручалъ попеченію Годунова пятерыхъ своихъ сыновей. Старшій изъ нихъ, Феодоръ Никитичъ, красавецъ собой и первый щеголь въ Москвѣ, отличался въ то-же время умомъ, твердымъ характеромъ и большимъ честолюбіемъ. При жизни царя Феодора, его считали однимъ изъ кандидатовъ на царскій престолъ. Это обстоятельство и поселило вражду между Годуновымъ и Феодоромъ Никитичемъ и сдѣлало ихъ непримиримыми врагами.

Уже въ царствованіе Бориса по доносу одного холопа, надъ братьями Романовыми было наряжено слѣдствіе; они были обвинены въ волшебствѣ, стремленіи себѣ „достать царство“, и отправлены въ ссылку въ разныя мѣста. Чтобы разъ навсегда обезопасить себя отъ главнаго соперника, Годуновъ приказалъ сослать Феодора Никитича въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей, гдѣ онъ былъ насильно постриженъ въ монашество. Опала тогда постигла и многихъ другихъ бояръ, родственникововъ и приверженцевъ Романовыхъ.

Въ эту-то пору (около 1601—1602 г.г.), когда среди боярства шла тайная крамола противъ царя Бориса, а обездоленная и озлобленная народная масса переживала ужасы голода и участвовавшихъ вслѣдствіе этого грабежей и разбоевъ, все настойчивѣе распространяется слухъ, что царевичъ Димитрій Углицкій, сынъ Ивана Грознаго, живъ. А поздней осенью въ 1603 г. за рубежомъ, въ Польшѣ, на службѣ у одного богатаго польскаго пана, кн. Адама Вишневецкаго, появился моло-

дой человекъ, лѣтъ 20 съ небольшимъ, уже впрямь выдававшій себя за царевича Димитрія Ивановича. Этотъ молодой человекъ такъ рассказывалъ о себѣ: онъ былъ спасенъ въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Борисомъ Годуновымъ, и отданъ на воспитаніе одному сыну боярскому, который, затѣмъ, научилъ его укрыться среди монаховъ. И вотъ юноша странствовалъ въ одеждѣ инока подъ чужимъ именемъ. Переходя изъ одной обители въ другую, онъ будто бы съ Сѣвера постепенно добрался до столицы, и здѣсь, никѣмъ не узанный, бывалъ во дворѣ у патриарха и даже въ палатахъ самого царя Бориса. Наконецъ, изъ Москвы ему удалось уйти отъ опасности за литовскій рубежъ.

Дѣйствительно, когда, годъ спустя, названный Димитрій съ отрядомъ поляковъ и казаковъ вторгся въ предѣлы Московскаго государства, правительство царя Бориса объявило, что это бѣглый монахъ Московскаго Чудова монастыря, „воръ“ и „разстрига“, Гришка Отрепьевъ. Въ кругу бояръ Годуновъ прямо говорилъ, что самозванецъ—это дѣло рукъ боярства, что оно выставило его, какъ средство борьбы противъ Бориса. Есть извѣстія, что самозванецъ одно время жилъ въ Москвѣ въ „холопяхъ“ во дворѣ бояръ Романовыхъ и родственниковъ ихъ, кн. Черкасскихъ. Эти обстоятельства заставляютъ подозрѣвать участіе боярства, враждебнаго царю Борису, въ появленіи перваго самозванца.*)

*) Кто такой былъ названный Димитрій, этотъ вопросъ до настоящаго времени не разрѣшенъ въ точности въ исторической наукѣ. Достоверно мы знаемъ лишь одно: это былъ москвичъ, а не полякъ. Большинство ученыхъ историковъ считаютъ, что это былъ именно Отрепьевъ, самозванно принявшій на себя имя царевича Димитрія. Очень немногіе рѣшаются признать въ немъ истиннаго царевича Димитрія.

Но, если таковъ былъ замыселъ боярскихъ верховъ, то, несомнѣнно, онъ оказался успѣшнымъ только потому, что нашель сильную поддержку въ низахъ общества, въ народныхъ массахъ.

Мы уже видѣли, насколько печально было положеніе служилаго и тяглаго люда передъ Смутой. Давно уже, и по многимъ причинамъ, скоплялся взрывъ народнаго недовольства. Появленіе самозванца было искрой, брошенной въ массу горячаго матеріала.

Народное недовольство въ такой монархической странѣ, какъ Московское государство, легче всего могло вылиться въ движеніе за самозванца, когда народныя массы поднялись во имя защиты „законнаго“ государя противъ похитителя его правъ. Всѣ, кто былъ недоволенъ своимъ положеніемъ, объединились вокругъ самозванца, который въ своихъ „прелестныхъ грамотахъ“, рассылавшихся имъ по всему государству, всѣмъ обѣщаль разныя льготы и облегченія. „А мы, великій государь,—писалъ самозванецъ,—по своему царскому милосердому обычаю васъ всѣхъ пожалуемъ: и вамъ, боярамъ нашимъ и воеводамъ, честь и повышение учинимъ, а отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ, къ тому еще и прибавимъ, и въ чести васъ держати будемъ; и васъ, дворянъ и приказныхъ людей, въ нашей царской милости держати хотимъ; а васъ, гостей и торговыхъ людей и всего Московскаго государства, пожалуемъ въ пошлинахъ и въ податяхъ, велимъ во льготѣ и во облегченіи учинить, и все православное христіанство въ тишинѣ и въ покои и во благоденственномъ житіи учинить хотимъ“.

Съ расчетомъ самозванецъ, перебравшись черезъ польскую границу, не пошелъ обычнымъ прямымъ пу-

темъ изъ Литвы на Москву черезъ Смоленскъ и Вязьму, города, сильно укрѣпленные, а направился прежде всего въ Сѣверскую Украину. Рѣшительную роль здѣсь сыграло настроеніе жившаго на Украинѣ люда. То были: казачество, приборные служилые люди—стрѣльцы, пушкари, станичники и пр., набравшіеся правительствомъ безъ разбора изъ разныхъ „приходцевъ“ съ сѣвера и составлявшіе городскіе гарнизоны,—главную защиту украинскихъ городовъ; затѣмъ, здѣсь были крестьяне, успѣвшіе и на югѣ, при быстрой раздачѣ земли служилымъ людямъ, попасть въ крѣпостную неволю, бѣглые холопы и преступники. Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, представитель богатѣйшаго монастыря—вотчинника, презрительно называетъ всѣхъ этихъ обитателей Украины не иначе, какъ „ворами“.

Расчетъ самозванца оказался вѣрнымъ. Несмотря на то, что силы его, при вступленіи въ московскіе предѣлы, были ничтожны (3—4 тысячи поляковъ и казаковъ), предпріятіе его имѣло неожиданный и быстрый успѣхъ. Одинъ городъ за другимъ переходилъ на сторону самозванца. Движеніе распространялось на востокъ и на сѣверъ, приближаясь постепенно къ Москвѣ. Воеводы, высланные противъ самозванца царемъ Борисомъ, дѣйствовали вяло и нерѣшительно, Положеніе Годунова было крайне тяжелымъ. Во главѣ войскъ противъ своего соперника онъ долженъ былъ поставить бояръ, которымъ онъ мало довѣрялъ.

При такихъ обстоятельствахъ, въ апрѣлѣ 1605 г. царь Борисъ внезапно умираетъ. На престолъ вступилъ сынъ его, Феодоръ Борисовичъ, юноша, отличавшійся умомъ и образованіемъ. Но при его молодости, ему трудно было сдержать разгоравшіяся страсти. Не

было людей, на кого молодой царь могъ бы опереться. Родовитое боярство, столь много претерпѣвшее во время опричнины и при Борисѣ Годуновѣ, снова поднимаетъ голову. Посланные противъ самозванца воеводы, окольнічій Басмановъ (любимецъ Бориса), кн. Голицынъ и др. измѣнили и перешли на сторону самозванца. Послѣ того онъ уже безпрепятственно пошелъ къ Москвѣ. Тамъ произошелъ мятежъ противъ Годуновыхъ: царь Ѳеодоръ и мать его были убиты. 20 іюня 1605 г., при колокольномъ звонѣ всѣхъ московскихъ церквей, царь Димитрій торжественно вступилъ въ Москву. Встрѣченный духовенствомъ съ иконами и хоругвями, царь прослѣдовалъ въ кремлевскіе соборы. Въ Архангельскомъ соборѣ, у гробницъ московскихъ государей, Димитрій всенародно свидѣтельствовалъ о своемъ происхожденіи отъ Іоанна IV.

Но торжество Димитрія продолжалось недолго. Царствовалъ онъ меньше года. Такъ какъ самозванецъ обнаруживалъ очень мало расположенія поддерживать притязанія родовитаго боярства, то оно, во главѣ съ кн. Василиемъ Шуйскимъ, произвело новый переворотъ. Раннимъ утромъ 17-го мая 1606 г. въ Москвѣ произошелъ мятежъ, въ результатѣ котораго Димитрій, только недѣлю тому назадъ пышно отпраздновавшій свой бракъ съ панной Мариной Мнишекъ, былъ убитъ, при чемъ трупъ его подвергся поруганію. Власть захватилъ небольшой кружокъ родовитѣйшаго боярства. По соглашенію между боярами, руководитель заговора, Василій Ивановичъ Шуйскій возводится на московскій престолъ.

III.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.—Новое народное движеніе.—Болотниковъ.—Тушинскій воръ.—Разореніе Московскаго государства.

Въ лицѣ царя Василя Ивановича Шуйскаго боярство достигло своей цѣли. На престолъ былъ возведенъ настоящій „боярскій“ царь.

Вступленіе его на престолъ ознаменовалось необычнымъ событіемъ. Не только подданные принесли новому царю „крестное цѣлованіе“—присягу, но самъ царь торжественно въ Успенскомъ соборѣ далъ клятвенное обѣщаніе, которое, потомъ, было изложено въ особой „крестоцѣловальной“ записи слѣдующимъ образомъ: царь обѣщаль никого не предавать казни иначе, какъ по суду съ боярами, не отнимать имѣній у невиновныхъ родственниковъ опальныхъ людей, и, наконецъ, не слушать ложныхъ доносовъ, а провѣрять ихъ сыскомъ.

Такая присяга была дана Шуйскимъ въ пользу одного первенствующаго сословія—боярства. Изъ нея видно, что бояре заботились главнымъ образомъ объ одномъ: лишь бы обезопасить себя отъ казней и опаль, тяжесть которыхъ имъ пришлось испытать во время опричнины Грознаго и при Борисѣ Годуновѣ.

Но не Шуйскому суждено было успокоить смуту, взволновавшее государство. Самыя личныя качества этого царя не внушали никому довѣрія. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что нѣтъ правды въ этомъ царѣ. Сколько разъ онъ измѣнялъ своему слову о томъ, что теперь всѣхъ волновало,—о судьбѣ царевича Димитрія. При Борисѣ Годуновѣ Шуйскій говорилъ, что царевичъ

погибъ въ Угличѣ. При торжествѣ самозванца, онъ всенародно утверждалъ, что царевичъ былъ спасенъ. Послѣ варварской расправы съ царемъ Димитріемъ, правительство Шуйскаго объявило все того же Димитрія воромъ и разстригой. Одинъ современникъ Шуйскаго, кн. Катыревъ-Ростовскій въ такихъ чертахъ изображаетъ намъ этого царя: царь Василій ростомъ былъ малъ, некрасивъ, „очи подслѣпы имѣя“; онъ былъ человѣкъ не безъ „книжнаго поученія“ и не глупый, но былъ очень скупъ и упрямъ; съ удовольствіемъ онъ слушалъ шептанія доносчиковъ и занимался волхвованіемъ.

Въ теченіе четырехлѣтняго царствованія этого „несчастливаго“ царя смута приняла особенно широкій общественный характеръ. Первыя распри опять начались между боярскими партіями. Шуйскій былъ ставленникомъ родовитаго боярства, княжатъ. Другая же партія—дворцовой служилой знати, группировавшаяся около Филарета Никитича (Романова), была недовольна *). Въ Москвѣ очень скоро послѣ избранія Шуйскаго возникли уличные беспорядки, направленные противъ царя Шуйскаго и возбужденные подметными письмами. Даже съ нѣкоторыми изъ родовитыхъ бояръ Шуйскій успѣлъ перессориться.

Но гораздо опаснѣе было широкое народное движеніе, вновь вспыхнувшее на югѣ и скоро охватившее большую часть государства. Началось оно опять тамъ же, въ Сѣверской украинѣ, гдѣ распространился слухъ, что „царь Димитрій“ живъ. Первый поднялъ возстаніе путивльскій воевода кн. Григорій Шаховской, приверженецъ Лжедимитрія и противникъ Шуйскаго. Вслѣдъ

*) Филаретъ Никитичъ при самозванцѣ былъ поставленъ въ санъ митрополита ростовскаго.

за Путивлемъ очень быстро поднялись и другіе сѣверскіе и „польскіе“ города. Новое народное движеніе 1606—1607 г.г. было ничѣмъ инымъ, какъ возобновленіемъ недавняго возстанія „прежде погибшей“ Украйны за царя Димитрія, съ той разницей, что теперь еще рѣзче обнаружилась вражда низшихъ классовъ населенія противъ боярскаго правительства Шуйскаго. Такой характеръ движеніе приняло въ особенности съ того времени, какъ во главѣ его сталъ Иванъ Болотниковъ. Это—бывшій бѣглый холопъ, жизнь котораго была богата всякими приключеніями. Болотниковъ побывалъ въ татарской и турецкой неволѣ, бѣжалъ оттуда, побывалъ за границей, въ Венеціи, Польшѣ и пр. Онъ оказался смѣлымъ и искуснымъ жожакомъ. Болотниковъ быстро сумѣлъ увеличить до значительныхъ размѣровъ дружину, предоставленную ему кн. Шаховскимъ. По всему государству онъ разсылалъ „воровскіе листы“ боярскимъ холопамъ и всѣмъ „ворамъ“, чтобы они побивали своихъ бояръ, гостей и торговыхъ людей, и „животы“ ихъ грабили; сулилъ своимъ приверженцамъ боярскія вотчины и помѣстья, боярство, воеводство и дьячество.

Это былъ прямой призывъ низшихъ классовъ общества противъ высшихъ, землевладѣльческихъ, промышленно-торговыхъ и чиновничьихъ. Словомъ, Болотниковъ хотѣлъ произвести полный государственный и общественный переворотъ. И за нимъ, по разсказу лѣтописи, пошли холопы и крестьяне, украинскіе посадскіе люди, стрѣльцы и казаки. Начали они хватать по городамъ воеводъ и сажать ихъ въ тюрьмы, разорять дома своихъ господъ, грабить ихъ „животы“, поворить ихъ женъ и дѣтей.

Послѣ того, какъ Болотниковъ наголову разбилъ высланный изъ Москвы противъ мятежниковъ отрядъ войска, возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстнымъ и быстро начало распространяться на сѣверо-востокъ, по направленію къ Москвѣ. Поднялись украинскіе и рязанскіе города: Калуга, Тула, Рязань и др. Здѣсь потокъ возстанія увлекаетъ еще новый общественный классъ—провинціальныхъ служилыхъ людей, среднихъ и мелкихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Во главѣ ихъ стали рязанскій воевода Сумбуловъ и дворяне братья Прокопій и Захаръ Ляпуновы. Причины возстанія провинціальныхъ служилыхъ людей противъ Шуйскаго и бояръ заключались, во-первыхъ, въ давней враждѣ среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ на хозяйственной почвѣ, изъ-за рабочихъ рукъ; теперь, когда вся власть при Шуйскомъ перешла въ руки родовитаго боярства, простые служилые люди могли еще болѣе опасаться за свое хозяйственное благополучіе. Кромѣ того, наиболѣе зажиточные, энергичные и честолюбивые изъ уѣздныхъ дворянъ, каковы были, наприм., братья Ляпуновы, были недовольны боярскимъ правительствомъ, при которомъ имъ закрывался доступъ къ возвышенію по службѣ. Поэтому они возстали во имя Димитрія, возвышавшаго по службѣ „худородныхъ“ людей.

Возстаніе распространилось и дальше, на сѣверо-востокъ, въ среднемъ и нижнемъ Поволжьи. Здѣсь вмѣстѣ съ крестьянами и холопами, возстали инородцы, имѣвшіе въ виду воспользоваться всеобщей смутой, чтобы сбросить съ себя тяжелое подчиненіе русскимъ. Въ далекой Астрахани измѣнилъ Шуйскому воевода кн. Хворостининъ. Но Нижній-Новгородъ остался въ-

ренъ царю Василію; въ то время, какъ измѣнили города Арзамасъ и Алатырь, Нижній выдерживаетъ осаду мятежнаго войска Ивана Доможирова и двухъ инородцевъ (мордвины) Варгадина и Москова. Только подошедшій царскій воевода гр. Пушкинъ снялъ эту осаду. Болотниковъ соединился съ ополченіемъ Сумбулова и Ляпуновыхъ; разбивъ еще разъ царское войско, мятежники подошли къ самой Москвѣ и осадили ее, остановившись въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. Положеніе Шуйскаго было крайне опасно. Но на этотъ разъ онъ уцѣлѣлъ благодаря тому, что среди его враговъ скоро обнаружилась рознь. Грамоты Болотникова, грабежи и разбои окружавшей его казачьей голытьбы, показали дворянскому ополченію тулянъ и рязанцевъ, что возстаніе Болотникова можетъ быть опасно не только для родовитаго боярства, но и для всѣхъ служилыхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ угрожало имъ отнятіемъ помѣстій, вотчинъ и крѣпостныхъ людей. Такой коренной общественный переворотъ не могъ быть въ интересахъ дворянъ. Поэтому, мѣсяць спустя, Сумбуловъ и Ляпуновъ съ дворянами и дѣтьми боярскими явились съ повинной къ Шуйскому. Болотниковъ былъ разбитъ и ушелъ сначала въ Калугу, а потомъ въ Тулу, куда подошелъ и путивльскій воевода кн. Шаховской. Царь лично предводительствовалъ войсками, осаждавшими этотъ оплотъ мятежниковъ. Осада затянулась на нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ октябрѣ 1607 г. Тула была взята, и вожди были захвачены. Расправа съ мятежниками была очень жестокая: „воровъ“ казнили сотнями и тысячами, топили въ рѣкахъ, „нещадно“ били кнутомъ; цѣлыя области отдавались царскимъ войскамъ на грабежъ и разореніе; бѣглые

крестьяне и холопы были отданы прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Смута привела на этотъ разъ къ пораженію возставшихъ и къ торжеству Шуйскаго и бояръ, благодаря переходу на ихъ сторону служилыхъ людей.

Но порядокъ, возстановленный такимъ способомъ, продержался очень недолго. Въ томъ же 1607 г. появляется второй самозванецъ, знаменитый Тушинскій воръ, и снова увлекаетъ за собой общественные низы и казачество. Въ короткое время онъ подчиняетъ себѣ Сѣверскую Украину, разбиваетъ по дорогѣ въ Москву царское войско, подходитъ къ самой Москвѣ и располагается лагеремъ въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ. Съ перерывами два года Москва держится въ осадѣ „Воромъ“. Въ виду того, что югъ уже былъ разоренъ, вниманіе „Вора“ привлекаетъ сѣверный край, такъ называемые Замосковные и Поморскіе города, ранѣе еще мало затронутые смутой и отличавшіеся большимъ благосостояніемъ. Тушинцы, то по приказу „Вора“, то на страхъ отдѣльныхъ военачальниковъ быстро „завоевываютъ“ г.г. Дмитровъ, Суздаль, Владимиръ, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Вологду. Шуйскій не могъ оказать сѣвернымъ городамъ никакой помощи, и потому смута распространяется теперь на небывало огромное пространство.

Въ это время, въ сентябрѣ 1608 г., отдѣльные отряды польскихъ начальниковъ, Яна Сапѣги и Лисовскаго, начали осаду величайшей русской святыни Троицкаго монастыря. Шуйскій пробовалъ заступить имъ дорогу, но войска его были разбиты. Войско осаждающихъ было очень значительно—до 30 тысячъ, въ то время какъ защитниковъ монастыря было не болѣе 1500. И несмотря на это, отбивъ рядъ присту-

повъ, выдержавъ тяжелую осаду, рускіе люди только въ январѣ 1610 г. были освобождены подошедшей съ сѣвера помощью. Это славное сидѣніе, защита святыни, показало, что рускій народъ еще крѣпокъ былъ своею религіозной цѣлостью, что именно за вѣру онъ готовъ положить свои головы. Но, если дѣло не касалось вѣры, рускій человѣкъ этого времени забывалъ о должномъ, о пользѣ общей, заботясь лишь о себѣ, о своей корысти.

Самая столица во время осады Тушинскаго вора показываетъ яркій образчикъ того крайняго упадка нравственнаго и гражданскаго чувства, до котораго опустились всѣ общественные классы, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая городской чернью. Правительство Шуйскаго не пользуется никакимъ значеніемъ. По выраженію современника и очевидца, царемъ играли, какъ „дѣтищемъ“. Сидя на одной трапезѣ на пиршествахъ въ „царствующемъ градѣ“, одни, по окончаніи веселья, шли въ царскія палаты, другіе же скакали въ Тушинскіе таборы. Всякій выше мѣры своей хотѣлъ жалованья. Крестное цѣлованіе ни во что не ставили. Бояре, приказные и служилые люди цѣловали крестъ царю въ Москвѣ; затѣмъ, многіе изъ нихъ ѣхали въ Тушино и тамъ цѣловали крестъ „Вору“, получали у него жалованье, опять ѣхали къ царю Шуйскому и больше прежняго почестъ и дары отъ него принимали; потомъ опять отъѣзжали къ „Вору“ и т. д. до пяти и десяти разъ. Такіе люди получили мѣткое прозвище „перелетовъ“. Не мало было крамольниковъ и „священнаго чина“. Многіе священники, дьяконы и иноки „возбѣсишася“ и приходили въ Тушинскій станъ, испрашивая у вора почестей и повышенія въ санѣ.

Московскіе купцы тайно возили въ Тушинскій лагерь свои товары, въ томъ числѣ и порохъ. Подобный же упадокъ гражданскаго и общественнаго сознанія можно было наблюдать еще въ голодные годы 1601—1603 г.г., когда богатые люди наживались отъ перепродажи хлѣба по крайне высокимъ цѣнамъ, а придворные и приказные люди расхищали царскую казну и хлѣбъ, предназначенный для раздачи голоднымъ.

Авраамій Палицынъ рисуетъ такую мрачную картину разоренія государства отъ „воровъ“—измѣнниковъ и поляковъ, находившихся на службѣ у Тушинскаго вора:

Церкви и священные предметы подвергались поруганію: въ церквахъ затворяли коней, и въ алтаряхъ кормили псовъ. Однихъ иноковъ и священниковъ убивали послѣ всяческихъ мученій, другихъ же заставляли варить вино и пиво, готовить кормы людскіе и конскіе, пасти стада, носить воду и дрова, „порты скверные“ для нихъ мыть; ругаясь надъ ними, заставляли пѣсни срамныя пѣть, скакать и плясать, а непокоряющихся предавали смерти.

Мирное населеніе въ городахъ и селахъ подвергалось ограбленію, позору и убійству. Убитые встрѣчались тогда повсюду на пространствѣ отъ Тулы и до Калуги, и подъ Кромами, и подъ Каширой, и подъ Орломъ, и подъ Нижнимъ-Новгородомъ. И скрывались тогда люди въ дебри непроходимыя, въ чащи темныхъ лѣсовъ, и въ пещеры невѣдомыя; по ночамъ зловѣщее зарево пожаровъ освѣщало поля и лѣса. Имущество все разорялось. Казаки и измѣнники, что не могли пограбить отъ земледѣльческихъ житъ, въ воду и грязь сыпали и конями топтали, имущество же, расколовъ

на мелкія части, бросали въ воду. Людей непокорныхъ измѣнники хватали, подвергали различнымъ мученіямъ и убійству, не щадя женщинъ и дѣтей. Красивыхъ женъ и дѣвушекъ на глазахъ ихъ мужей, отцовъ и братьевъ подвергали поруганію; также поступали и съ „честными“ инокинями. При томъ русскіе измѣнники и казаки, даже по сравненію съ поляками, отличались особенной жестокостью: надъ тѣми, кто проявлялъ жалость и состраданіе они смѣялись, называя такихъ „худяками“ и „жонками“.

IV.

Земское движеніе противъ тушинцевъ въ сѣверныхъ и при-
волжскихъ городахъ.—Нижній-Новгородъ въ XVI—XVII вв.—
Вторженіе поляковъ.

Подъ флагомъ перваго самозванца, Болотникова, и, наконецъ, Тушинскаго вора поднялись обездоленные народныя массы. Волна народнаго возстанія пронеслась бурнымъ потокомъ по всему государству и въ своемъ стихійномъ теченіи едва не захлеснула совсѣмъ тотъ государственный порядокъ, который съ такимъ трудомъ налаживался вѣками предшествующей жизни Московскаго государства. Но ни Болотниковъ, ни тѣмъ болѣе Тушинскій воръ, и не думали о созданіи какого-либо другого общественнаго порядка взамѣнъ того, противъ котораго возстали казачество и народные низы. Поэтому-то чисто стихійное движеніе народныхъ массъ 1606—1610 г.г. не могло оставить послѣ себя никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ разрушенія и разоренія.

Но безнарядье междоусобія, совершенно разстроившее хозяйственную и гражданскую жизнь страны, вы-

звало, наконецъ, отпоръ со стороны тѣхъ слоевъ русскаго населенія, которые были болѣе заинтересованы въ поддержаніи порядка, при которомъ, по крайней мѣрѣ, можно было спокойно и безопасно жить, заниматься земледѣліемъ, промысломъ и торговлей. Таковы были средніе служилые и тяглые, уѣздные и посадскіе люди, въ особенности—болѣе зажиточныхъ городовъ Поморскаго и Приволжскаго края. Уже давно тамъ наростало возмущеніе противъ тушинскихъ изменниковъ и воровъ, которые въ завоеванныхъ городахъ и уѣздахъ угнетали населеніе тяжелыми поборами, грабили купцовъ и торговыхъ людей, безчинствовали, истязали и убивали народъ. Въ 1608—1609 г.г. обнаружилось большое „земское“ движеніе среди тяглыхъ „міровъ“ Сѣвера и средняго Поволжья, движеніе, которое оказало сильнѣйшую поддержку царю Василию Ив. Шуйскому въ его борьбѣ съ Тушинымъ. Города пересылались между собой грамотами о томъ, что не слѣдуетъ цѣловать креста „Вору“, составляли дружины и, подъ начальствомъ выборныхъ предводителей или находившихся на сѣверѣ царскихъ воеводъ, нападали на тушинцевъ и выгоняли ихъ отъ себя, оказывая другъ другу взаимную помощь. Среди сѣверскихъ городовъ центрами возстанія были г.г. Вологда и Вел. Устюгъ. Въ среднемъ же Поволжьи, въ области нижней Оки и Клязьмы, такимъ центромъ былъ г. Нижній-Новгородъ.

Въ XVI и въ началѣ XVII вв. Нижній-Новгородъ представлялъ, собственно, еще пограничный пунктъ на сѣверо-востокѣ Московскаго государства. Хотя, съ завоеваніемъ Казани при Грозномъ, владѣнія Московскаго государства простирались и значительно далѣе на

востокъ, за Нижній, но это былъ еще плохо замиренный край, заселенный почти сплошь инородцами: татарами, вотяками, чувашами, черемисой, башкирами и пр. Въ то-же время р. Волга, подобно Днѣпру, очень рано сдѣлалась важнымъ торговымъ путемъ, соединявшимъ центръ и югъ (черезъ р. Оку) Московскаго государства съ восточными сибирскими и каспійскими рынками. Но волжская торговля въ XVI в. была далеко не безопасна вслѣдствіе постоянныхъ нападеній на торговые караваны разбойниковъ-казаковъ въ средней и нижней Волгѣ. Опорнымъ пунктомъ волжской торговли и былъ Нижній-Новгородъ, занимающій весьма выгодное положеніе при сляніи р. р. Волги и Оки. Городъ, расположенный на высокомъ правомъ берегу Волги, былъ хорошо укрѣпленъ. Еще въ началѣ XVI в. вокругъ нижегородскаго кремля были построены крѣпкія каменные стѣны. Подъ ихъ защитой происходила выгрузка и нагрузка товаровъ съ судовъ, приходившихъ сверху и снизу по рѣкѣ; здѣсь снаряжались торговые караваны для дальняго и опаснаго плаванія къ Каспійскому морю.

Такъ, еще въ XVI в. промышленно-торговая жизнь была ключемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. И по количеству населенія это былъ одинъ изъ крупнѣйшихъ московскихъ городовъ. До насъ сохранились свѣдѣнія отъ 1621 г., слѣдовательно, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ Смуты, разорившей и опустошившей многіе русскіе города. Нижній-Новгородъ не былъ захваченъ тушинцами, тогда какъ другіе важнѣйшіе города края, Владимиръ, Суздаль, Муромъ, находились въ ихъ власти. Но тѣмъ не менѣе смута наносила сильнѣйшій подрывъ нижегородской торговлѣ, такъ какъ

большинство городовъ и мѣстностей, съ которыми Нижній находился въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ, были захвачены и разорены русскими „измѣнниками“ и поляками. Затѣмъ, какъ будетъ изложено далѣе, Нижній принялъ самое дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ Смуты и противъ иноземнаго непріятеля, при чемъ городъ несъ большія матеріальныя жертвы и посылалъ своихъ людей въ войска. Естественно, что силы населенія и городская промышленно-торговая дѣятельность должны были придти въ нѣкоторый упадокъ. И тѣмъ не менѣе, въ 1621 г. въ Нижнемъ насчитывается до 1900 дворовъ и избъ, въ томъ числѣ: 700 нетяглыхъ дворовъ, т. е. принадлежащихъ духовенству, монастырямъ, приказнымъ и служилымъ людямъ, 862 посадскихъ двора тяглыхъ, 204 двора оброчныхъ, т. е. такихъ, владѣльцы которыхъ „обхудали“, и вмѣсто непосильнаго для нихъ тягла были посажены на болѣе легкой оброкъ, и, наконецъ, 141 „дворишковъ и избенокъ и кѣльшиковъ“ совсѣмъ нищихъ. Подъ защитой крѣпкихъ нижегородскихъ стѣнъ раскинулся обширный рынокъ. Въ немъ насчитывалось до 480 торговыхъ помѣщеній всякаго рода, не считая кузницъ и харчевенъ. Въ такомъ видѣ представляется Нижній-Новгородъ спустя 7 лѣтъ послѣ Смуты.

Какъ только началось движеніе въ Приволжскомъ краѣ противъ тушинцевъ, Нижній принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе.

Послѣ того, какъ тушинцы захватили Муромъ, они двинулись оттуда къ Нижнему-Новгороду, отлично понимая, какъ важно было для нихъ захватить этотъ богатый и сильный городъ. На выручку къ Нижнему въ это время подошелъ передовой отрядъ воеводы бо-

ярина Шереметева, возвращавшагося съ небольшимъ войскомъ съ низу послѣ усмиренія мятежа въ Астрахани. Въ декабрь 1608 г. нижегородцы „всѣмъ городомъ“ приговорили воеводѣ Андрею Алябьеву идти на „воровъ“. Рать Алябьева состояла изъ нижегородскихъ служилыхъ и посадскихъ людей и изъ присланныхъ Шереметевымъ стрѣльцовъ, казаковъ и инородцевъ. Алябьевъ въ двухъ стычкахъ разбилъ „воровъ“ и отнялъ у нихъ Балахну и большія села Ворсму и Павлово. А въ январѣ 1609 г. на Муромской дорогѣ произошелъ главный бой Алябьева съ тушинскимъ воеводой кн. Вяземскимъ. Нижегородцы нанесли ему полное пораженіе, причемъ самъ Вяземскій съ прочими воровскими воеводами былъ взятъ въ плѣнъ. Нижегородцы круто поступили съ „ворами“: они повѣсили кн. Вяземскаго и съ нимъ другихъ вожаковъ. Весь край послѣ нижегородскихъ побѣдъ началъ отпадать отъ тушинской власти и, опираясь на нижегородскую рать, возобновлялъ борьбу съ „ворами“. Такъ города Муромъ и Владимиръ были очищены отъ тушинцевъ.

Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали и земскія дружины сѣверныхъ городовъ, поддержанныя войсками царскаго племянника Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго, направлявшагося на выручку Москвы изъ Новгорода. При дѣятельной помощи земскихъ міровъ Сѣвера и Поволжья царю Шуйскому удалось уже почти совсѣмъ избавиться отъ Тушинскаго вора. Но въ это время Московскому государству угрожала новая опасность— вторженіе иноземнаго непріятели.

Осенью 1609 г. польскій король Сигизмундъ III объявилъ царю Шуйскому войну и осадилъ г. Смоленскъ, который уже давно былъ предметомъ спора

между Москвой и Литвой. Сигизмундъ имѣлъ въ виду воспользоваться смутой на Руси въ своихъ выгодахъ. Онъ хотѣлъ подчинить Московское государство Польшѣ и самъ сдѣлаться русскимъ царемъ. Однако, хорошо укрѣпленный Смоленскъ, мужественно защищаемый жителями и войскомъ подъ начальствомъ воеводы Шеина, надолго задержалъ Сигизмунда подъ своими стѣнами. Но отрядъ польскаго войска, подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго, былъ посланъ по направленію къ Москвѣ. На смоленской дорогѣ, при с. Клушинѣ, Жолкевскій разбилъ московскія войска подъ начальствомъ брата царя, неспособнаго и завистливаго кн. Дмитрія Шуйскаго. *) Послѣ того гетманъ Жолкевскій быстро двинулся къ Москвѣ. Положеніе царя Василія Шуйскаго, котораго никто теперь не хотѣлъ поддерживать, стало безнадежнымъ. Противъ него произошло новое возстаніе въ Москвѣ, которое закончилось низведеніемъ „несчастливаго“ царя съ престола (въ іюль 1610 г.). Шуйскій былъ насильно постриженъ въ монашество. Наступило междуцарствіе. Власть вторично въ эпоху Смуты перешла въ руки бояръ.

Какъ же они ей воспользовались?

Москвѣ угрожала двоякая опасность: отъ поляковъ съ одной стороны, а съ другой—отъ Тушинскаго вора, за которымъ шли казачество и украинская „голытьба“; ему же сосчувствовала и столичная чернь. Московское боярство больше всего боялось „Вора“ и могущаго произойти, при его господствѣ, общественнаго переворота. Поэтому боярство примкнуло къ той партіи дворцовой знати и приказныхъ людей, которая

*) Доблестный полководецъ кн. М. Скопинъ-Шуйскій не могъ достойно встрѣтить врага; онъ умеръ въ Москвѣ.

служила раньше Тушинскому вору, но теперь рѣшила выбрать на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. И тѣ и другіе рассчитывали, что ихъ интересы лучше будутъ ограждены королемъ, вышедшимъ изъ аристократической Польши, чѣмъ самозванцемъ. Въ августѣ 1610 г. Владиславъ былъ провозглашенъ въ Москвѣ русскимъ царемъ и долженъ былъ начать новую династію на русскомъ престолѣ. Гетманъ Жолкевскій, по условію, прогналъ отъ Москвы „Вора“ и вступилъ съ польскими войсками въ Москву.

Въ Москвѣ было выбрано „великое посольство“, въ составъ котораго вошли болѣе 1000 человекъ, во главѣ съ митрополитомъ Филаретомъ и бояриномъ кн. Вас. Вас. Голицынымъ. Послы были отправлены въ польскій лагерь подъ Смоленскъ и должны были требовать, чтобы Владиславъ немедленно пріѣхалъ въ Москву и принялъ православіе, и чтобы король снялъ осаду со Смоленска. Но Сигизмундъ уклонился отъ исполненія условій договора. Король самъ лично хотѣлъ сѣсть на московскій престолъ. Поэтому онъ не отпускалъ сына, не отступалъ отъ Смоленска и даже, наоборотъ, началъ противъ него штурмъ. Съ послами же велись долгіе и бесполезные переговоры.

Былъ моментъ, когда опасный для Русскаго государства замыселъ короля Сигизмунда былъ очень близокъ къ исполненію. Ему удалось посѣять рознь въ составѣ „великаго посольства“. Тогда какъ митрополитъ Филаретъ, кн. Голицынъ и нѣкоторые другіе крѣпко стояли за православіе и независимость государства, многіе послы, несмотря на данную ими въ Москвѣ клятву, пошли на подкупъ и измѣну. Заручившись отъ Сигизмунда грамотами на помѣстья и вот-

чины, они возвратились въ Москву и начали дѣйствовать въ пользу признанія царемъ самого Сигизмунда. Боярское правительство въ Москвѣ лишилось всякаго значенія. Всѣ дѣла управленія, всѣ важнѣйшія мѣста въ московскихъ приказахъ захватили приверженцы Сигизмунда, изъ которыхъ первое мѣсто занимали бояринъ Михаилъ Салтыковъ и Феодоръ Андроновъ, бывшій торговый человѣкъ, кожевникъ, получившій на службѣ у Тушинскаго вора чинъ думнаго дворянина. Нѣкоторые изъ бояръ были арестованы и посажены подъ стражу. Оставшіеся на свободѣ бояре вели себя позорно, въ грамотахъ къ королю Сигизмунду называли себя его „вѣрными подданными“ и обращались къ нему съ челобитьями о жалованьи и „деревнишкахъ“. Грамоты въ государствѣ писались отъ имени короля Сигизмунда. Москва приняла видъ завоеваннаго города: крѣпости были заняты польскимъ гарнизономъ. Польскіе солдаты обижали народъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Такъ добровольное подчиненіе „царю“ Владиславу привело на самомъ дѣлѣ къ позорному плѣну и иноземному завоеванію.

Въ довершеніе всего поляки, по соглашенію съ русскими измѣнниками Михаиломъ Салтыковымъ и „Федькой Андроновымъ“ рѣшили разорить и выжечь „царствующій городъ“ Москву. Въ мартѣ 1611 г. они привели въ исполненіе свой злой умыселъ. Они подожгли церкви и дома въ Москвѣ; затѣмъ стали избивать гражданъ и грабить то, что уцѣлѣло отъ огня. Каменные церкви были разграблены, иконы поруганы, драгоценности въ церквахъ, домахъ и въ царской казнѣ были расхищены. Не пощадили раки мощей Василія Блаженнаго, разсѣкли ее на части и на томъ мѣстѣ,

гдѣ она стояла, поставили коней и творили безчинства. Трупы убитыхъ побросали въ рѣку, а взятыхъ въ плѣнъ женщинъ подвергали поруганію. Многіе уцѣлѣвшіе отъ избіенія москвичи бѣжали изъ Москвы и на дорогѣ умирали отъ холода и голода.

Но это разореніе Москвы произошло уже въ то время, когда на выручку столицы отъ иноземнаго врага подвигалось первое земское ополченіе.

V.

Первое земское ополченіе.—Участіе въ немъ Н.-Новгорода.

Въ самомъ концѣ 1610 г. случилось одно событіе, имѣвшее нѣкоторое влияніе на дальнѣйшій ходъ вещей. Тушинскій воръ, бѣжавшій подъ натискомъ Жолкевскаго въ Калугу, здѣсь былъ убитъ. Теперь всѣхъ русскихъ людей тѣснѣе объединила одна общая опасность—иноземнаго завоеванія. Уже давно поведеніе короля Сигизмунда и поляковъ вызывало страшное недовольство и ропотъ въ населеніи, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Подъ влияніемъ опасности, какая угрожала независимости государства и православію, въ русскихъ людяхъ происходитъ нравственный переломъ. Мы уже видѣли, какимъ позорнымъ поведеніемъ запятнало себя русское общество всѣхъ классовъ и всѣхъ положеній въ годы смуты. Теперь же „русскіе люди начали отрезвляться отъ собственной смуты, когда почувствовали надъ собой чужую руку“. Постепенно растетъ и крѣпнетъ подъемъ народнаго чувства, сознание общности своей родины и—необходимости защищать ее противъ врага, не останавливаясь передъ тяжелыми жертвами и лишеніями.

Яркимъ образчикомъ такой нравственной перемѣны являются „великіе послы“ въ лагерь Сигизмунда, митрополитъ Филаретъ и кн. В. В. Голицынъ. Оба они нѣкогда вели честолюбивую политику и отстаивали свои личные интересы въ борьбѣ съ Борисомъ Годуновымъ и Василиемъ Шуйскимъ. Теперь же, понявъ всю опасность положенія государства и сознавая отвѣтственность принятой на себя задачи, они, несмотря на всѣ притѣсненія Сигизмунда, мужественно отстаивали интересы своей родины, ея свободу и независимость, не соглашаясь на происки Сигизмунда. Они не измѣнили своему долгу и тогда, когда были, наконецъ, ограблены и посланы плѣнниками въ Польшу. Филаретъ и Голицынъ пишутъ тайныя письма въ Москву, Смоленскъ, Ярославль и въ другіе города; въ нихъ они говорятъ о замыслахъ Сигизмунда, предупреждаютъ объ опасности и будятъ народное чувство въ обществѣ.

Такимъ же стойкимъ защитникомъ религіи и народности былъ въ Москвѣ патріархъ Гермогенъ. Суровый патріархъ рѣзко и твердо обличалъ въ свое время перебѣжчиковъ въ Тушинской станѣ, а затѣмъ—русскихъ измѣнниковъ, служивцевъ Сигизмунда. Бояринъ Салтыковъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе бояре, съ кн. Мстиславскимъ во главѣ, приходили къ патріарху и стали просить его, чтобы онъ „благословилъ крестъ цѣловать королю (Сигизмунду)“. Гермогенъ съ негодованіемъ отказался отъ всякихъ уступокъ и даже произнесъ проклятіе на Салтыкова. Салтыковъ бранилъ патріарха площадною бранью, а, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, даже бросался на него съ ножомъ. Но патріархъ остался непреклоненъ. Мало того, этотъ случай

показалъ Гермогену, что нужно дѣйствовать рѣшительно. Въ ближайшій же день онъ послалъ собрать московскихъ гостей и торговыхъ людей въ Успенскій соборъ и обратился къ нимъ съ призывомъ не присягать иновѣрцу Сигизмунду. Въ скоромъ времени патріархъ расширяетъ свою дѣятельность. Изъ Москвы онъ началъ разсылать по городамъ грамоты, въ которыхъ объяснялъ всѣмъ королевскую измѣну, разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и звалъ городскихъ людей, чтобы они, не мѣшкая, по зимнему пути, собрався вмѣстѣ, шли къ Москвѣ на литовскихъ людей.

Патріархъ въ средѣ подчиненнаго ему духовенства не имѣлъ, повидимому, лицъ, открыто ему сочувствовавшихъ. Но въ самой Москвѣ нашлись люди, готовые устно и письменно возбуждать народъ противъ поляковъ, на защиту русскихъ національныхъ интересовъ. Они составляютъ и распространяютъ по Москвѣ подметныя письма и посылаютъ въ города грамоты отъ имени осажденныхъ смольнянъ и страдающихъ въ Москвѣ жителей; въ нихъ они горячо призываютъ русскихъ людей стать „обще, за одно противъ враговъ“, на освобожденіе родины.

Въ декабрѣ 1610 г. на московскихъ улицахъ было подброшено цѣлое подметное сочиненіе „Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ“. Составитель ея скрылъ свое имя. Онъ страстно призываетъ московскихъ людей къ вооруженному возстанію противъ поляковъ, къ расправѣ съ ними и русскими измѣнниками. Онъ рисуетъ въ яркихъ краскахъ бѣдственное положеніе государства, клеймитъ позоромъ предателей бояръ, которыхъ онъ называетъ „землебѣдцами“ и „кривителями“, рабски угождающими королю. Съ осо-

бой ненавистью „Повѣсть“ говоритъ о двухъ главныхъ предателяхъ—бояринъ Салтыковъ и Ѳедоръ Андроновъ. Составитель „Повѣсти“ предсказываетъ скорую погибель Руси, если народъ не поддержитъ своихъ немногихъ защитниковъ, каковы „непоколебимый столпъ“ и „твердый адамантъ“—патріархъ Гермогенъ, „великіе послы“ подъ Смоленскомъ—митр. Филаретъ и кн. Голицынъ, и, наконецъ, осажденный, мужественно отбивающійся отъ враговъ, Смоленскъ.

Призывъ патріарха Гермогена и московскихъ людей нашель живой и быстрый откликъ. Нужно удивляться той быстротѣ, съ которой организовалось народное ополченіе на освобожденіе Москвы и государства отъ власти поляковъ. Въ декабрь 1610 г. патріархъ Гермогенъ началъ свой открытый призывъ къ народу на Рязани, въ Нижнемъ и въ др. городахъ. И уже въ февраль 1611 г. рязанскія, нижегородскія и ярославскія дружины двинулись къ Москвѣ. Въ мартъ онъ были уже подъ Москвой, гдѣ окончательнo образовалось первое земское ополченіе, получившее названіе Ляпуновскаго.

Вождемъ этого ополченія, давшимъ ему свое имя, явился уже извѣстный намъ рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ. Самъ по себѣ это былъ человекъ далеко незаурядный, честолюбивый, пылкій и энергичный, умѣвшій объединить общество и руководить имъ. Съ 1606 по 1611 г. онъ играетъ видную роль во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ смуты, каковы: заговоры противъ Шуйскаго въ Москвѣ, низложеніе Шуйскаго, избраніе Владислава, снаряженіе „великаго посольства“, въ составъ котораго вошелъ братъ Прокопій, Захаръ Ляпуновъ. Положеніе дѣлъ въ Москвѣ ему

было хорошо извѣстно. Какъ только Ляпуновъ убѣдился въ истинныхъ замыслахъ короля Сигизмунда и въ измѣнѣ московскаго боярскаго правительства, онъ отказалъ ему въ повиновеніи и поднялъ знамя возстанія на Рязани. За Ляпуновымъ пошло послушное ему рязанское дворянство. Вслѣдъ за Рязанью поднялись Владимиръ, Суздаль, Муромъ и др. города Клязменскаго и Приокскаго края.

Одновременно начинается движеніе въ Поволжьѣ и на сѣверѣ. Нижній-Новгородъ, энергично выступавшій противъ Тушина въ 1608—1609 гг., принимаетъ еще болѣе дѣятельное участіе въ земскомъ движеніи 1611 г. Дѣль насъ дошла интересная грамота отъ Прокопія Ляпунова въ Нижній-Новгородъ, посланная имъ въ январѣ 1611 г. Изъ этой грамоты съ ясностью вырисовывается, какое важное значеніе самъ Ляпуновъ придавалъ участію въ движеніи нижегородцевъ. Интересно и описаніе обстановки, при которой зарождалось движеніе.

— „Въ преименитый Новгородъ-Нижній,—пишетъ Ляпуновъ,—архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и всему освященному собору, и господамъ воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ Нижняго-Новгорода и разныхъ городовъ, головамъ (начальникамъ) стрѣлецкимъ и казачьимъ, и Литвѣ и нѣмцамъ (служилымъ иноземцамъ), и земскимъ старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ посадскимъ людямъ, и пушкарямъ и стрѣльцамъ, и казакамъ, всему христоименитому народу, Прокопій Ляпуновъ и дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди, и торговые, и черные, рязанской области, челомъ бьютъ. Генваря, господа, въ 24 день, писали вы

къ намъ съ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Аникіевымъ, что генваря въ 12 день пріѣхалъ съ Москвы къ вамъ, въ Нижній, сынъ боярскій Романъ Пахомовъ да посадскій человекъ Родіонъ Мосѣевъ, которые посланы были отъ васъ къ Москвѣ, къ святѣйшему Гермогену, патриарху Московскому и всея Руси, съ отписками и для подлинныхъ вѣстей; а въ разпросѣ, господа, вамъ сказывали, что приказывалъ съ ними въ Нижній къ вамъ свят. Гермогенъ рѣчью (на словахъ); а письма къ вамъ, господа, не привезли, что де у него писать некому, дьяки и подъячіе и всякіе дворовые люди у него пойманы, а дворъ его весь разграбленъ. Да вы жъ, господа, прислали къ намъ на Рязань цѣловальную запись, по которой вы межъ собою крестъ цѣловали, и намъ бы по той записи такожь крестъ цѣловати и съ вами стати за Московское государство заодинъ; а вы, господа, по благословенію свят. Гермогена и по совѣту всей земли, идете изъ Нижняго къ Москвѣ тотчасъ; и намъ бы прислати къ вамъ въ Нижній всякихъ чиновъ добрыхъ людей для совѣту и съ ними отписати, гдѣ намъ съ вами сходиться“.

Далѣе Ляпуновъ сообщаетъ, что имъ, на Рязани, извѣстно о гоненіи и тѣснотѣ патриарху Гермогену, Москвѣ и всей Руси отъ богоотступниковъ бояръ и отъ польскихъ и литовскихъ людей, и что они „боярамъ московскимъ давно отказали“, и съ окольными городами давно уже крестъ цѣловали за Московское государство со всею землею стоять вмѣстѣ, заодинъ, и съ литовскими людьми биться до смерти. Для договора и добраго совѣта рязанцы посылаютъ въ Нижній стряпчаго Ивана Биркина да дьяка Степана Пустошкина съ дворянами и всякихъ чиновъ людьми. Ниже-

городцамъ Прокопій совѣтуетъ выступать на Владимиръ, а самъ онъ съ рязанцами и другихъ городовъ людьми пойдетъ на Коломну, чтобы „намъ къ царствующему граду Москвѣ придти всѣмъ въ одинъ день“. Въ заключеніе Ляпуновъ проситъ нижегородцевъ описать во всѣ Позновскіе и Поморскіе города, чтобы они всѣ шли „къ царствующему граду Москвѣ на спѣхъ, къ намъ же въ сходъ“.

Такимъ образомъ, изъ грамоты видно, что нижегородцы уже давно, съ начала января, если не раньше, находились въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ Рязанью и непосредственно съ Москвой; нижегородскіе послы, Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосѣевъ, безстрашно проникаютъ къ самому патріарху Гермогену, уже подвергшемуся въ то время жестокому притѣсненію отъ поляковъ, и привозятъ отъ него подлинныя вѣсти и словесныя наставленія, такъ какъ патріархъ былъ лишенъ средствъ письменно сноситься со своею паствою. Нижегородцы, далѣе, посылаютъ отъ себя особыхъ довѣренныхъ лицъ съ грамотами въ другіе города съ призывомъ стать „задинъ“ и идти „на польскихъ и на литовскихъ людей“. Такъ сохранились грамоты съ подобнымъ призывомъ изъ Нижняго-Новгорода въ Вологду. Нижегородцы пересылаютъ въ Вологду грамоты, полученныя ими изъ Москвы; одну „ото всякихъ московскихъ людей“, а другую, „что писали изъ-подъ Смоленска московскіе люди къ Москвѣ“. Нижегородцы извѣщаютъ вологжанъ, что они, собрався со всѣми людьми изъ Нижняго-Новгорода (подъ начальствомъ воеводы кн. Александра Андр. Репнина), идутъ къ Москвѣ, и что съ ними идутъ „многіе ратные люди разныхъ и окольныхъ и низовыхъ горо-

довъ“. Въ грамотѣ изъ Ярославля въ Вологду ярославцы также упоминають о полученіи грамоты изъ Нижняго-Новгорода.

Такъ, Нижній-Новгородъ является какъ бы другимъ, послѣ Рязани, центромъ, около котораго сосредоточивается земское движеніе 1611 г. Въ немъ принимаютъ участіе почти всѣ тѣ-же города и тѣ-же классы населенія, служилые, торговые и посадскіе люди, которые поднимались въ 1608—1609 г.г. И теперь, какъ прежде, служилыхъ и тяглыхъ людей побуждали къ возстанію насилія и грабежи польскихъ людей по городамъ и уѣздамъ и полное разстройство хозяйственной, промышленно-торговой жизни. Но теперь, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, въ русскихъ людяхъ заговорило и сильное патріотическое чувство: города объединились для защиты родины отъ польскихъ и литовскихъ людей.

Но въ союзъ съ Ляпуновымъ вошли и совершенно новыя группы; то были тушинскіе ратные люди, оставшіеся не у дѣлъ послѣ смерти „Вора“; тутъ было нѣсколько воеводъ, оставшихся до конца въ Тушинскомъ станѣ, во главѣ съ „тушинскимъ бояриномъ“ княз. Дмитріемъ Тимоф. Трубецкимъ, сѣверскіе и украинскіе служилые люди, а главнымъ образомъ, толпы казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ. Ляпуновъ заключилъ союзъ съ этой „воровской“ ратью съ тѣмъ расчетомъ, чтобы имѣть ее не врагомъ въ тылу у себя, а союзникомъ въ борьбѣ съ поляками. Онъ привлекъ тушинцевъ и казаковъ обѣщаніемъ награды и воли бывшимъ крѣпостнымъ и боярскимъ холопамъ.

Но послѣдствія показали, что такой союзъ разно-

родныхъ и враждебныхъ другъ къ другу слоевъ населенія окончился весьма печально.

Подъ Москвой собралось, въ общемъ, многочисленное ополченіе, до 100,000 человѣкъ. Поляки, числомъ всего до 3000, были осаждены въ Кремль и въ Китайгородъ. Въмѣстѣ съ ними сѣли въ осаду бояре, кн. Мстиславскій „съ товарищи“, которые смотрѣли на земское ополченіе, какъ на мятежь.

Между тѣмъ, рать, собравшаяся подъ Москвой, энергично принялась за устройство не только военныхъ дѣлъ, но и управленія государствомъ. Ополченіе смотрѣло на себя, какъ на „совѣтъ всей земли“, которому принадлежала верховная власть. Исполнительная власть была поручена тремъ главнымъ воеводамъ: кн. Трубецкому, атаману Заруцкому и Ляпунову. Ляпуновъ по чину писался третьимъ послѣ бояръ Трубецкого и Заруцкаго, но на дѣлѣ былъ первымъ и распоряжался самостоятельно. Для дѣлопроизводства при ополченіи были учреждены приказы, а на города, для управленія и сбора доходовъ, посылались воеводы.

Дѣло, казалось, было налажено хорошо. Перевѣсъ надъ непріателемъ былъ громадный. Но, тѣмъ не менѣе, ополченіе, простоявъ подъ Москвой около 4-хъ мѣсяцевъ, распалось, ничего не достигнувъ.

Причина этого заключалась въ томъ, что не удалось достигнуть согласія между двумя главными составными частями ополченія, служилыми людьми и казачествомъ. Ляпуновъ, соединившись съ казаками, повторилъ ту самую ошибку, которую онъ уже разъ допустилъ въ 1606 г., вступивъ въ союзъ со скопичами Болотникова.

На „совѣтъ всей земли“ 30 іюня 1611 г. былъ

постановленъ важный приговоръ, показавшій, что главную силу въ подмосковномъ ополченіи составляли служилые люди, пришедшіе вмѣстѣ съ Ляпуновымъ. Въ этомъ приговорѣ постановлены разныя статьи, касающіяся положенія служилыхъ людей и казачества. Какъ участники подмосковной рати, такъ и служилые люди вообще обезпечиваются, по приговору, денежнымъ жалованьемъ и земельными дачами—помѣстьями. Но при этомъ были проведены ограничительныя статьи, касавшіяся бывшихъ тушинцевъ и сторонниковъ Сигизмунда, которые успѣли запасться грамотами отъ „Вора“ и отъ польскаго короля на чрезмѣрныя земельныя дачи. По приговору, рѣшено было ихъ отобрать. Далѣе, по отношенію къ казачеству, бѣлымъ крестьянамъ и холопамъ было постановлено только „старымъ“, т. е. ранѣ служившимъ государству казакамъ, назначить жалованье и помѣстья; всѣхъ же бѣглыхъ людей, крестьянъ и холоповъ, хотя и называвшихъ себя казаками, рѣшено было возвратить ихъ бывшимъ господамъ. Проведено было и еще обидное для казаковъ постановленіе: всѣ казаки, безъ исключенія, устраняются отъ занятія воеводскихъ и другихъ правительственныхъ должностей.

Такимъ образомъ, приговоръ 30 іюня узаконялъ старый московскій служилый земельный порядокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ самый крѣпостной строй, на борьбу съ которымъ поднялись казачество и низшіе, крѣпостные, слои населенія. Если прибавить сюда еще мѣры строгости, принятая Ляпуновымъ противъ „воровства“, т. е. грабежей и разбоя, которые казаки учиняли подъ Москвой и по городамъ, то можно представить себѣ недовольство бывшихъ тушинцевъ и ка-

заковъ, превратившееся въ жгучую ненависть къ Ляпунову. Къ тому же еще между послѣднимъ и двумя другими вождями ополченія, кн. Трубецкимъ и Заруцкимъ, обнаружилось соперничество изъ-за власти.

И вотъ, въ іюлѣ 1611 г., враги Ляпунова заманили его для объясненій въ казачій „кругъ“ (собраніе) и тамъ измѣннически убили.

Со смертью главнаго вождя, ссоры между служилыми людьми и казаками еще болѣе усилились. Служилые люди начали разѣзжаться по домамъ, и ополченіе распалось. Подъ Москвой остались только „воровскіе“ отряды Трубецкаго и Заруцкаго; въ ихъ руки перешла и правительственная власть, устроенная въ ополченіи. Земское правительство превратилось въ казачье. Казаки теперь уже безъ удержу принялись за грабежи и разбои.

Такъ неудачно закончилась попытка земскихъ людей къ восстановленію государственнаго порядка.

Между тѣмъ, король Сигизмундъ взялъ приступомъ Смоленскъ. Въ Псковѣ появился третій Лжедмитрій (какой-то Сидорка).

Въ такомъ положеніи дѣло находилось къ осени 1611 г. Государство стояло на краю гибели.

VI.

Нижегородское ополченіе.

Русскіе люди были поражены тяжестью постигшаго ихъ бѣдствія. То настроеніе, которое переживало русское общество, сознание безпримѣрности несчастія, глубокая скорбь, охватившая всѣхъ въ это время, отразились въ сохранившемся до насъ сочиненіи „Плачь о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства“. Сочиненіе это было написано какъ-

разъ послѣ распаденія Ляпуновскаго ополченія, осенью 1611 или въ началѣ 1612 г. „Кто отъ правовѣрныхъ не восплачетъ, или кто рыданія не исполнится, видѣвъ пагубу и конечное паденіе толикаго многонароднаго государства!... Ни едина книга богословець, ниже житія святыхъ, ни царственныя книги, ни хронографы, ни историки, ни прочія повѣстныя книги не произнесоша намъ таковаго наказанія ни на едину монархію, ниже на царства и княженія, еже случися надъ превысочайшею Россією“. Описавъ бѣдствія самозванщины, смуты при царѣ Василии Шуйскомъ, разорѣнія государства отъ поляковъ и сожженія Москвы, авторъ еще разъ восклицаетъ: „Кто не исполнится отъ христіанъ плача и рыданія? Кто не ужаснется, толикую скорбь и язву слышавъ о присной по духу братіи своей?“ Нѣтъ выхода изъ такого несчастія. Одна надежда осталась—на небесную помощь. Авторъ призываетъ молиться, чтобы Господь пощадилъ „останокъ рода христіанскаго“ и оградилъ миромъ „останокъ Россійскихъ царствъ, градовъ и весей“.

Подъемъ религіознаго чувства достигалъ сильнаго напряженія и выражался въ чудесныхъ видѣніяхъ, которымъ вѣрили какъ тѣ, кому бывали такія видѣнія, такъ и тѣ, кто о нихъ слышалъ. Такъ осенью 1611 г., уже послѣ смерти Ляпунова, въ полкахъ подъ Москвою распространилось извѣстіе о нижегородскомъ видѣніи.

Видѣніе было въ Нижнемъ-Новгородѣ одному благочестивому челоуѣку, по имени Григорію. По его собственному разсказу, видѣніе заключалось въ слѣдующемъ. Отговѣвъ постомъ, въ ночь на воскресенье, Григорій спалъ въ храминѣ. Вдругъ поднялась кровля храма того и раздвинулась на всѣ четыре стороны.

Въ сіяніи небеснаго свѣта Григорій увидѣлъ „Господа сходящаго во образѣ челоувѣстѣй“ и съ Нимъ челоувѣка въ бѣлыхъ ризахъ. Господь благословилъ Григорія и велѣлъ ему проповѣдать „во градѣ семь, что бы приняли постъ и молитву съ покаяніемъ“. Затѣмъ въ бесѣдѣ со своимъ спутникомъ Господь далъ откровеніе о будущей судьбѣ Московскаго государства. Господь возвѣстилъ, что Онъ проститъ православныхъ христіанъ въ Россійскомъ государствѣ, если они покаются и будутъ поститься „три дня и три ночи“. Господь очиститъ Московское государство отъ враговъ-иноплеменниковъ. По очищеніи Москвы, надлежитъ воздвигнуть новый храмъ близъ Василія Блаженнаго, и въ этомъ храмѣ на престолѣ „на бумагѣ неписанной“, будетъ чудеснымъ образомъ изображено имя, „кому владѣти Московскимъ государствомъ“. При этомъ Григорію было открыто, что Нижній-Новгородъ постигнетъ „буря велія изъ рѣки Волги“, если Григорій скроетъ свое видѣніе, или же если нижегородцы „во градѣ семь удержатъ Мое явленіе и, написавъ, не пошлютъ въ Московское государство и въ иные грады“.

Григорій не слушался того, что было указано въ видѣніи. Онъ записалъ его и распространилъ свое сказаніе. Хотя самъ Григорій оказался никому невѣдомымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, но уже осенью 1611 г. его сказаніе обошло многіе города: Ярославль, Вологду, Вел. Устюгъ. Русскіе люди съ вѣрой отнеслись къ разсказу Григорія и налагали на себя постъ. Постъ соблюдали настолько строго, что по извѣстію лѣтописи многіе младенцы помирали съ того поста, и что даже скоту не давали пищи.

Такъ сильна была въ русскомъ обществѣ потреб-

ность нравственно очиститься и покаяніемъ получить избавленіе отъ бѣдствій Смуты.

Избавленіе пришло. Оно было достигнуто силами тѣхъ самыхъ земскихъ людей, которые уже два раза поднимались на защиту государства. На этотъ разъ земское движеніе возникло и выросло въ Нижнемъ-Новгородѣ. Нижегородскіе вожди, ставшіе во главѣ нижегородскихъ дружинъ, объединили вокругъ себя всю земщину въ борьбѣ съ поляками и „ворами“—казаками.

Первымъ вдохновителемъ новаго земскаго ополченія былъ все тотъ же патріархъ Гермогенъ, запечатлѣвшій свой патріотическій подвигъ мученической смертью въ заключеніи Чудова монастыря. Сидя подъ крѣпкой стражей, патріархъ все же находилъ средства сноситеся съ внѣшнимъ міромъ. Онъ чутко слѣдилъ и за тѣмъ, что дѣлается въ Москвѣ, у поляковъ, и въ казачьихъ таборахъ подъ Москвой. Онъ имѣлъ и самоотверженныхъ людей, которые, несмотря на всѣ затрудненія, проникали къ узнику и служили для него средствомъ общенія съ паствой. Это были все тѣ же нижегородцы, Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ, которыхъ самъ патріархъ называетъ въ своей грамотѣ безстрашными.

25 августа 1611 г., мѣсяцъ спустя послѣ смерти Ляпунова, Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ привезли въ Нижній новую грамоту отъ патріарха. Торопливо и въ большемъ душевномъ волненіи патріархъ пишетъ въ Нижній-Новгородъ о новомъ воровскомъ замыслѣ казаковъ посадить на царство Маринкина сына (маленькаго сына Марины Мнишекъ и Тушинскаго вора). Патріархъ даетъ наказъ нижегородцамъ, чтобы они немедля писали грамоты въ Казань, Во-

логду, на Рязань и „во всѣ города“, чтобы отовсюду писали учительныя грамоты къ боярамъ и атаманьѣ (Трубецкому и Заруцкому), чтобы они унялись отъ грабежа, стояли бы крѣпко въ вѣрѣ и отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына не сажали. Затѣмъ патріархъ наказывалъ всѣ тѣ грамоты изъ городовъ собрать къ себѣ въ Нижній и прислать въ полки къ боярамъ. „А вамъ всѣмъ отъ насъ, писалъ въ заключеніе старецъ, благословенье и разрѣшенье въ семь вѣщъ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; я долженъ за васъ Бога молить“.

Такъ писалъ патріархъ въ свой любезный Нижній-Новгородъ, дѣлая его живымъ средоточіемъ переписки со всѣми городами. Обращался же онъ съ этой цѣлью не въ какой-либо другой городъ, а именно въ Нижній потому, что ему давно уже была извѣстна нравственная „крѣпость“ этого города въ Смуту и его вліяніе на обширный Приволжскій край; давно уже онъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Нижнимъ, и теперь черезъ него указывалъ всѣмъ городамъ, что наряду съ опасностью отъ поляковъ государству угрожаетъ другая меньшая опасность—отъ „воровъ“—казаковъ.

И нижегородцы не обманули ожиданія Гермогена. Они свято исполнили его наказъ о разсылкѣ его грамоты по городамъ. Но мало этого, въ Нижнемъ очень скоро, въ слѣдующемъ же сентябрѣ мѣсяцѣ, началась работа по устройству новаго земскаго ополченія.

Во главѣ этого великаго дѣла сталъ представитель нижегородской посадской общины, земскій староста Кузьма Мининъ.

Мининъ, по промыслу былъ „говядарь“—продавецъ мяса и рыбы. Торговые обороты его достигали 300 р.

въ годъ, что для того времени указывало на значительный достатокъ Кузьмы. Онъ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ своей братьи, посадскихъ людей, выбравшихъ его въ число земскихъ старостъ, завѣдывавшихъ хозяйствомъ городской тяглою общины. Та роль, въ которой выступилъ далѣе Мининъ, показываетъ, что онъ не былъ человѣкомъ, узко замкнувшимся въ торговомъ дѣлѣ; наоборотъ, онъ чутко слѣдилъ за общественной жизнью не только въ своемъ городѣ, но и во всемъ государствѣ. А судя потому, какъ онъ повелъ это дѣло, можно признать въ немъ недюжинный умъ, твердость характера, высокую честность и преданность родинѣ.

Возбужденный вѣстями изъ-подъ Москвы, подъ впечатлѣніемъ Гермогеновской грамоты, Мининъ началъ говорить предъ всѣми о необходимости „чинить промыслъ“ надъ врагами. Выступилъ онъ съ такой рѣчью передъ своими выборщиками—посадскими людьми въ земской избѣ, въ которой, какъ теперь въ городской думѣ, велись всѣ дѣла тяглаго городского міра. (Земская изба стояла тогда близъ церкви Николая Чудотворца на торгу—на Нижнемъ базарѣ, недалеко отъ современныхъ паромныхъ пристаней). Рѣчь Минина была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ, и тогда же былъ написанъ первый приговоръ, которымъ опредѣлялся особый сборъ на „строеніе ратныхъ людей“. Произвести такой сборъ поручалось Минину. Такъ было сдѣлано важное дѣло,—положенъ починъ ополченію, освободившему государство отъ Смуты; этотъ починъ принадлежитъ нижегородской посадской общинѣ.

О начатомъ дѣлѣ заговорили въ городѣ. Оно вызвало сочувствіе и другихъ слоевъ городского населенія,

въ средѣ духовенства, приказныхъ властей и служилыхъ людей. Нижегородскія власти созвали совѣтъ на воеводскомъ дворѣ. На томъ совѣтѣ были: архимандритъ Печерскаго монастыря Ѳеодосій, протопопъ нижегородскаго Спасо-Преображенскаго собора Савва съ братією и иные попы, дворяне и дѣти боярскія, головы и старосты, и между ними—Кузьма Мининъ. На совѣтѣ было рѣшено собрать на другой день нижегородцевъ въ Спасо - Преображенскій соборъ въ Кремль, прочесть тамъ только что полученную грамоту властей Троице-Сергіева монастыря, призывавшую всю земщину на борьбу съ поляками, но, вопреки Гермогену, въ союзѣ съ подмосковнымъ казачествомъ, и звать народъ на помощь Москвѣ.

Воеводами въ Нижнемъ въ это время были околичій кн. Василій Андр. Звенигородскій и дворянинъ Андрей Сем. Алябьевъ, тотъ самый, который предводительствовалъ нижегородскими дружинами въ 1608—1609 г.г., въ борьбѣ съ тушинцами. Воеводы не отказались поддержать начавшееся движеніе въ городѣ, но, въ частности, относительно кн. Звенигородскаго, не видно, чтобы онъ самъ занялъ дѣятельную и руководящую роль въ этомъ движеніи. По неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, онъ не сдѣлался вождемъ нижегородскаго ополченія. Зато видное мѣсто въ нижегородскомъ подвигѣ занимаетъ духовное лицо, Спасскій протопопъ Савва Ефимьевъ. Протопопу Саввѣ принадлежало первенство въ духовенствѣ всего Нижняго-Новгорода. Особой царской грамотой царя Василія Ив. Шуйскаго, опредѣлявшей жалованье, вотчины и права соборнаго духовенства, нижегородскимъ игуменамъ и попамъ всего города указывалось „Спасскаго

протопопа Саввы слушати, на соборъ по воскресеньямъ къ молебнамъ и по праздникамъ къ церквамъ приходи“; за послушаніе протопопъ могъ налагать на игуменовъ, поповъ и дьяконовъ денежные штрафы, а за упорное непослушаніе могъ даже сажать въ тюрьму на недѣлю. Очень важно было для всего дѣла привлечь къ нему такое видное лицо, которое могло оказать большое нравственное вліяніе на всѣхъ нижегородцевъ. И, дѣйствительно, въ тотъ моментъ, когда задуманный Мининымъ подвигъ очищенія отъ враговъ всего государства изъ дѣла одной тяглой посадской общины долженъ былъ превратиться въ дѣло всего Нижняго-Новгорода, протопопъ Савва сыгралъ очень важную роль.

Утромъ, на другой день послѣ совѣщанія на воеводскомъ дворѣ, нижегородцы колокольнымъ звономъ были собраны въ Спасо-Преображенскій соборъ. Послѣ обѣдни „предъ святыми вратами“ протопопъ Савва читалъ народу троицкую грамоту и обратился съ рѣчью, призывавшей народъ на великій подвигъ. Послѣ протопопа держалъ рѣчь Мининъ. Такъ, по разсказу одного письменнаго памятника, началось въ Нижнемъ дѣло освобожденія Москвы и всего государства. Нижегородцы, вдохновленные призывомъ своихъ вождей, энергично принялись за дѣло *).

Дѣло было не легкое. Нужно было, во-первыхъ, собрать средства для устройства и содержанія большой рати, а во-вторыхъ, предстояло набрать и устроить самую рать.

*) Протопопъ Савва участвовалъ въ посольствѣ отъ Нижняго въ Казань, для привлеченія ея къ нижегородскому ополченію. Затѣмъ, онъ былъ выбранъ отъ Нижняго-Новгорода на земскій соборъ въ Москву, послѣ ея очищенія, для избранія государя, а по избраніи Михаила Феодоровича, поѣхалъ навстрѣчу новому государю.

Устройство и снаряженіе нижегородскаго ополченія имѣеть ту очень важную особенность, что тяглые посадскіе люди, на которыхъ всегда падала и теперь легла главная тягота по содержанію рати, приняли важнѣйшее участіе въ управленіи ратью, именно съ этой финансовой стороны. Управление казной, которая поступала отъ тяглыхъ людей, отдано было въ руки самихъ жертвователей. Такой способъ очищаль дѣло отъ всякихъ навѣтовъ и подозрѣній въ неправильномъ и своекорыстномъ расходованіи земской казны и содѣйствовалъ устройенію крѣпкаго, единодушнаго ополченія. Подъ Москвой казна, привозимая изъ городовъ, поступала въ руки атамана Заруцкаго, который пользовался ею, какъ хотѣлъ, и раздавалъ своимъ единомышленникамъ, а другіе помирали съ голоду и „брели со службы прочь“. Такъ поступали и многіе другіе воеводы. Они всегда бывали полными распорядителями казны. Теперь же подлѣ воеводы становился выборный посадскій человѣкъ, при томъ не въ подчиненномъ, а въ равномъ къ нему отношеніи. Такимъ выборнымъ человѣкомъ былъ первый зачинщикъ всего дѣла—Мининъ. Онъ былъ выбранъ „окладчикомъ“—для раскладки, взиманія и храненія денежныхъ оборотовъ, при чемъ онъ долженъ былъ оставить должность земскаго старосты. По приговору нижегородскихъ посадскихъ торговыхъ и всякихъ людей, Кузьма окладываль ихъ, „съ кого что денегъ взять, смотря по пожиткамъ и по промысламъ“; въ своемъ приговорѣ нижегородцы, между прочимъ, дають такое обѣщаніе: „на жалованье ратнымъ людямъ деньги давать, а денегъ не достанеть, отбирать не только имущество, а и дворы, и женъ и дѣтей закладывать, продавать, а ратнымъ людямъ да-

вать, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было“. Этихъ послѣднихъ словъ не нужно, разумѣется, понимать въ томъ буквальномъ смыслѣ, что неимущихъ, бѣдняковъ, заставляли на самомъ дѣлѣ закладывать и продавать въ рабство женъ и дѣтей. Нѣтъ, въ этихъ словахъ выражалась только глубина народнаго воодушевленія, мысль о томъ, что настало время идти на всякія жертвы для спасенія отечества, отдать на общее дѣло послѣднюю копейку. Такъ, нижегородцы не одинъ разъ „приговаривали“ брать третью или пятую деньгу, т. е. третью или пятую долю съ имущества, „кто что имѣлъ“. Само собой разумѣется, что дать такую долю—значило уже принести большую жертву. Между тѣмъ есть извѣстіе, что многіе добровольно давали больше, сверхъ оклада.

Такъ велось дѣло въ Нижнемъ. Такъ велъ его Мининъ и послѣ, когда нижегородская рать сдѣлалась всероссійской и двинулась на освобожденіе Москвы. Вмѣстѣ съ ратью пошелъ и Мининъ, завѣдуя по прежнему ратной казной.

Это важное дѣло было такъ хорошо налажено, что, по согласному свидѣтельству лѣтописцевъ, ратные люди Нижегородскаго ополченія въ продолженіе всего времени были въ довольствѣ обеспечены жалованьемъ и „кормомъ“. Принятымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на службу смольнянамъ, которые были прогнаны со своихъ земель нашествіемъ Сигизмунда и блуждали по государству въ поискахъ мѣста и дѣла, было дано очень большое по тому времени жалованье въ 50, 45 и 40 руб. въ годъ. Мининъ, говоритъ лѣтописецъ, „жаждущія сердца ратныхъ утолялъ, и наготу ихъ прикрывалъ, и во всемъ ихъ покоилъ, и сими дѣлами собралъ воинство не малое“.

Въ составъ этого „войства“ вошли прежде всего мѣстные ратные люди: дворяне, стрѣльцы и служилые казаки. Къ нимъ присоединились только что упомянутые смоленскіе пришельцы, которыхъ было не мало, до 2000 человекъ. Такъ составилось основное ядро Нижегородскаго ополченія. Чтобы успѣшно продолжать дѣло, нужно было остановиться на выборѣ главнаго воеводы, который сталъ бы вождемъ всего ополченія. Выборъ нижегородцевъ „всѣмъ городомъ“ палъ на стольника кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

Князья Пожарскіе происходили изъ стариннаго и знатнаго рода князей Стародубскихъ, владѣвшихъ большими вотчинами въ Нижегородскомъ и Суздальскомъ краѣ. Но въ XVI в. Пожарскіе подверглись опаламъ и въ особенности сильно потерпѣли отъ опричины Грознаго. Многія вотчины ихъ были конфискованы; понизились Пожарскіе и по службѣ, такъ что съ вершины московской аристократіи опустились до среднихъ ея слоевъ. Кн. Дмитрій Михайловичъ началъ свою службу при царѣ Феодорѣ въ чинѣ стряпчаго. Но Годуновъ также не жаловалъ Пожарскихъ. Все это заставляло кн. Дмитрія Михайловича стать на сторону той партіи боярской знати, которая повела борьбу съ Годуновскими порядками и возвела на престолъ „боярскаго“ царя Василія Шуйскаго. Кн. Дмитрій Мих. вѣрно служитъ Шуйскому въ воеводахъ. Въ 1608 г., во время всеобщей измѣны, Пожарскій сидѣлъ съ царемъ Шуйскимъ въ Москвѣ, въ осадѣ отъ Тушинскаго вора, и не разъ выручалъ царя изъ опаснаго положенія. За Московское осадное сидѣнье Шуйскій наградилъ Пожарскаго вотчиной. Въ грамотѣ по этому поводу царь пишетъ: „Пожаловали за его пря-

мую службу, что, будучи въ Москвѣ, въ осадѣ, въ нужное и прискорбное время противъ враговъ онъ стоялъ крѣпко и мужественно, и многую службу и дородство показалъ, голодъ и во всемъ оскудѣнье и всякую осадную нужду терпѣлъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо, безо всякія шатости"... Въ 1610 г. Пожарскій былъ назначенъ воеводой въ Зарайскъ и до конца удерживалъ городъ въ вѣрности Шуйскому.

Зарайскимъ воеводой Пожарскій оставался и во время междуцарствія, послѣ сведенія съ престола царя Василія. Но на сторонѣ боярскаго правительства кн. Пожарскій стоялъ только до тѣхъ поръ, пока бояре не измѣнили государству и не предались Сигизмунду.

Когда раздался зовъ патріарха Гермогена стать всѣмъ заодно и очистить Землю отъ враговъ, Пожарскій откликнулся однимъ изъ первыхъ и усердно помогалъ Ляпунову, въ борьбѣ съ черкасами (малоросійскими казаками) и русскими „ворами“, которыхъ измѣнное боярское правительство напустило на Рязанскую область, чтобы преградить Ляпунову доступъ къ Москвѣ. Пожарскій выручилъ Ляпунова, когда тотъ попалъ въ тѣсную осаду отъ черкасъ и „воровъ“ въ гор. Пронскѣ. Затѣмъ Пожарскій однимъ изъ первыхъ воеводъ ополченія пришелъ къ Москвѣ и принялъ участие въ жаркой схваткѣ съ поляками, какъ-разъ на другой день послѣ пожара и разоренія Москвы. Въ бою Пожарскій былъ израненъ и отвезенъ сначала въ Троице-Сергіевъ монастырь, а затѣмъ уѣхалъ въ свою Суздальскую вотчину, с. Мугрѣво, находившееся въ 120 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, и тамъ лечился отъ ранъ.

Боевыя заслуги кн. Дмитрія Михайловича и его крѣпкое стояніе за общее земское дѣло были, конечно, хорошо извѣстны въ его родномъ краю, Суздальскомъ и Нижегородскомъ. Когда на общемъ совѣтѣ нижегородцевъ зашла рѣчь, кого выбрать воеводой ополченія, то были положены такія условія: выбрать „мужа честна, кому заобычно ратное дѣло, который въ такомъ дѣлѣ искусенъ и который въ измѣнѣ не явился“... Трудно было выбрать человѣка, болѣе подходящаго къ этимъ требованіямъ, чѣмъ кн. Пожарскій. Поэтому, какъ только было произнесено его имя, то весь городъ остановился на немъ. Рѣшили послать къ нему посольство, въ составъ котораго вошли: архимандритъ Печерскаго монастыря Феодосій, дворянинъ Жданъ Болтинъ и „изо всѣхъ чиновъ всякіе лучшіе люди“. Кн. Пожарскій принялъ предложеніе и уже въ концѣ октября пріѣхалъ въ Нижній, когда тамъ кипѣла работа по устройству рати. Теперь во главѣ этого дѣла сталъ Пожарскій, оставивъ въ завѣдываніи Минина земскую казну.

Вмѣстѣ съ разборомъ мѣстныхъ ратныхъ людей и смольнянъ, нижегородцы занялись сношеніями и съ другими городами и волостями, сначала ближайшими, призывая ихъ присылать въ Нижній не только деньги и ратныхъ людей, чтобы идти „на очищеніе Московскаго государства“, но и—выборныхъ людей для совѣта. Такъ было отправлено посольство для привлеченія на свою сторону Казани. Городское движеніе Нижняго-Новгорода выросло въ областное, а затѣмъ и въ обще-земское движеніе, когда Пожарскій, въ концѣ января или началѣ февраля 1612 г., обратился съ призывною грамотою къ Поморскимъ и „Верховымъ“

городамъ, прежде всего къ Вологдѣ и Ярославлю. Средніе, служилые и тяглые люди вновь откликнулись на зовъ о соединеніи для очищенія государства отъ враговъ.

Въ мартѣ 1612 г. ополченіе двинулось изъ Нижняго. Но Пожарскій пошелъ не прямо къ Москвѣ, какъ онъ думалъ сначала, а избралъ кружной путь на Кострому и Ярославль. Къ этому его побудило извѣстіе, что казаки Заруцкаго хотятъ захватить Ярославль и др. заволжскіе города, чтобы прервать сообщеніе Нижняго съ Поморьемъ. Но передовой отрядъ, высланный Пожарскимъ, успѣлъ ранѣе казаковъ занять Ярославль, куда самъ Пожарскій съ главными силами пришелъ къ 1-му апрѣля. Такъ прежде всего пришлось столкнуться съ внутреннимъ врагомъ—подмосковными казачьими таборами. Это окончательно опредѣлило отношеніе Пожарскаго и земской рати къ казакамъ Заруцкаго и Трубецкаго. Примиреніе и соединеніе обѣихъ сторонъ въ борьбѣ противъ поляковъ оказывалось невозможнымъ. Пожарскій не повторилъ въ этомъ отношеніи ошибки Ляпунова.

Въ Ярославлѣ Пожарскій оставался около 4 мѣсяцевъ, до августа 1612 г. Такое замедленіе имѣло весьма важныя причины и указывало на ту чрезвычайную осмотрительность и осторожность, съ которыми дѣйствовали вожди Нижегородскаго ополченія. Ярославль, какъ крупнѣйшій городъ во всемъ Замосковьѣ и Поморьѣ, представлялся наиболѣе удобнымъ центромъ, къ которому можно было стянуть всѣ земскія силы. Отсюда Пожарскій разсылаетъ по городамъ окружныя грамоты съ извѣщеніемъ о своемъ ополченіи и съ призывомъ къ общему соединенію. Кромѣ денегъ и рати Пожарскій просилъ города присылать также выбор-

ныхъ по два и по три человѣка „изо всякихъ чиновъ людей“ для „общаго земскаго совѣта“. Изъ выборныхъ составился „совѣтъ всея земли“—земскій соборъ, которому принадлежала верховная власть. При войскѣ устроена была администрація по московскому образцу, въ видѣ приказовъ. Отсюда посылались воеводы на города. Такъ въ Ярославль образовалось временное правительство, простиравшее свою власть на всю Землю, что имѣло важнѣйшее значеніе для замиренія внутренней смуты, внутренней розни.

Силу этого „всемирнаго соединенья“ хорошо поняли тушинскіе бояре, Трубецкой и Заруцкій. Они прислали въ Ярославль къ Пожарскому повинную, вмѣстѣ съ просьбой поспѣшить къ Москвѣ. Но Пожарскій съ воеводами, принявъ съ честью казачьихъ пословъ, не спѣшили имъ довѣриться. Напротивъ, передовые земскіе отряды выбивали казаковъ изъ занятыхъ ими на сѣверѣ городовъ. Наконецъ, Заруцкій употребилъ послѣднее средство противъ Пожарскаго: подослалъ въ Ярославль убійцъ. Только случай спасъ Пожарскаго отъ смерти: ударъ ножемъ вмѣсто воеводы пришелся стоявшему около него казаку.

Нужно было поладить еще съ Новгородомъ, который представлялъ какъ-бы особое государство, и—съ застѣвшими въ Новгородѣ шведами. Съ новгородскими послами, предлагавшими избрать въ цари шведскаго королевича, велись очень искусные переговоры съ той цѣлью, чтобы шведы не помѣшали идти подъ Москву. Эта цѣль была достигнута.

Въ Ярославль предполагалось совершить и избраніе государя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ стоять „противъ общихъ враговъ“. Но вѣсть о приближеніи къ Москвѣ

гетмана Хоткѣвича съ войскомъ и запасами для польскаго гарнизона Москвы побудила Пожарскаго двинуться къ Москвѣ. Земская рать прошла черезъ Троицкій монастырь. 20-го августа она подошла къ Москвѣ и стала отдѣльно отъ казачьихъ таборовъ.

Приближеніе земской рати произвело смятеніе среди казаковъ. Атаманъ Заруцкій съ половиной рати (всего было около 5 тысячъ) поднялся и быстро ушелъ на Рязанскую Украину. Остальное казачье войско съ кн. Трубецкимъ колебалось и не разъ мѣняло настроеніе во время рѣшительнаго боя съ Хоткѣвичемъ. Бой былъ упорный. По разсказу лѣтописи, въ критическую минуту, когда силы поляковъ казались непреодолимыми, Кузьма Мининъ выпросилъ у Пожарскаго отрядъ и самъ повелъ его въ бой, что способствовало окончательному пораженію гетмана. Хоткѣвичъ поспѣшно отступилъ отъ Москвы, оставивъ въ рукахъ русскихъ обозъ со всѣми запасами.

Послѣ пораженія Хоткѣвича польскій гарнизонъ въ Москвѣ продержался еще два мѣсяца. 22-го октября ополченіе взяло штурмомъ Китай-городъ. Поляки, запертые со всѣхъ сторонъ въ Кремлѣ, открыли переговоры о сдачѣ. 26-го октября 1612 г., наконецъ, и Кремль былъ сданъ русскимъ. Москва была очищена отъ непріятели.

Земскій подвигъ былъ завершенъ избраніемъ на царство новаго государя. Впрочемъ, для этого былъ созванъ грамотами отъ имени воеводъ и кн. Пожарскаго новый земскій соборъ изъ выборныхъ представителей всѣхъ чиновъ Московскаго государства. 21-го февраля 1613 г. на престолъ былъ избранъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ. Во время вѣнчанія его на цар-

ство Минину было „сказано“ думное дворянство. Стольник кн. Пожарскій былъ пожалованъ въ думные бояре.

Съ появленіемъ новой власти, признанной всей Землей, смута постепенно затихла, хотя отголоски ея были долго замѣтны въ государствѣ. Неудовлетворенныя народныя нужды не разъ приводили къ новымъ волненіямъ въ XVII в. Но земское движеніе, поднявшееся по почину посадскихъ тяглецовъ Нижняго-Новгорода, сдѣлало великое дѣло. Оно спасло государство отъ внѣшняго порабощенія и помогло возстановленію внутренняго порядка. Въ то время, когда московскіе бояре присягнули польскому королевичу Владиславу и готовы были совсѣмъ отдать Россію во власть польскаго короля, средніе классы, посадскіе люди и дворяне, не послѣдовали за ними. На земскихъ людяхъ и, въ частности, на нижегородцахъ исполнились ихъ собственныя слова, написанныя ими нѣкогда (въ 1611 г.) въ грамотѣ вологжанамъ:

„И всея такія пагубы родъ крестьянской (христіанскій) избавить Богъ нынѣшнимъ подвигомъ всѣхъ насъ; и то намъ отъ всемогущаго и преизряднаго Хитреца Бога... къ навѣчной славѣ и похвалѣ учинится за избаву крестьянскую, на воспоминаніе, на память душамъ нашимъ, во вся роды, впредь-идушіе вѣки“.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	Стр.
I. Передъ Смутой	3
II. Самозванщина. Народное движеніе на Украинѣ . .	18
III. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій. Новое народное движеніе. Болотниковъ. Тушинскій воръ. Разо- рненіе Московскаго государства	26
IV. Земское движеніе противъ тушинцевъ въ сѣвер- ныхъ и приволжскихъ городахъ. Нижній-Новго- родъ въ XVI—XVII вв. Вторженіе поляковъ . .	34
V. Первое земское ополченіе. Участіе въ немъ Ниж- няго-Новгорода	42
VI. Нижегородское ополченіе	52

-10к

**Имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія
Коммиссіи:**

Сборники томъ VI и VIII по 2 руб. за книгу.

Сборникъ томъ VII—3 руб.

Платоновъ, С. Ф. Савва Ефимьевъ—протопопъ Спасо-Преображенскаго собора въ Н.-Новгородѣ. Н.-Н. 1909 г.

Васенко, П. Г. Патриархъ Гермогенъ. Н.-Н. 1909 г. Цѣна 1½ коп.

Поліевиковъ, М. А. Мининъ и Пожарскій. Н.-Н. 1909 г. Цѣна 1 коп.

Садовскій, А. Я. О потомствѣ сестры Минина Дарьи Минишны. Н.-Н. 1910 г. Цѣна 5 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Сборникъ въ память П. И. Мельникова. (Воспоминанія и матеріалы о П. И. Мельниковѣ: письма и статьи П. И. Мельникова).

Лица, выписывающія изданія непосредственно изъ Архивной Коммиссіи (Нижній-Новгородъ, Городская Управа) за пересылку не платяты.

Цѣна 10 коп.

Обязательныя
заказанія